

На правах рукописи

Андреев Александр Николаевич

**ЗАПАДНО-ХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ
И ОБЩЕСТВО В РОССИИ XVIII в.**

Специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск

2011

Работа выполнена на кафедре искусствоведения и культурологии ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Научный консультант –

доктор исторических наук,
доктор искусствоведения,
профессор, засл. деят. науки РФ
Парфентьев Николай Павлович.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
профессор
Беспятых Юрий Николаевич,

доктор исторических наук,
профессор
Алакшин Александр Эдуардович,

доктор исторических наук,
профессор
Главацкая Елена Михайловна.

Ведущая организация –

Институт истории и археологии
УрО РАН.

Защита состоится «17» июня 2011 г., в 12-00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. 244).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «___» мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена пересмотром в современном российском общественном сознании статуса религиозных ценностей. В настоящее время выявление и изучение взаимосвязей между представителями разных церквей, их взаимоотношений, вопросов влияния тех или иных религиозных учений на общественную и культурную жизнь России становится важной задачей для историков. В условиях активизации религиозной жизни конфессиональная тематика исторических исследований приобретает важное социальное значение.

Проблемы истории западно-христианских вероисповеданий (католицизма и протестантских деноминаций) в России привлекают внимание ученых по ряду особых причин. На современном этапе развития российского социума большую роль играют его экономические и культурные связи с западным миром, наблюдается явление масштабной культурной диффузии. Россия находится на новом витке модернизации, продолжает руководствоваться экономическим, административным и культурным опытом европейских стран, в основе которого часто лежат религиозные принципы. Поэтому обращение специалистов к вопросам конфессионального взаимодействия России и Запада является оправданным и своевременным. Особенно представляется важным изучение вопросов влияния европейской духовности на русское общество в XVIII в. – эпоху, когда были заложены основные направления модернизационных процессов в России, выявилась их специфика. В это время опыт экономического, государственного и культурного строительства европейских стран был особенно востребован новоявленной империей; в жизнь русского общества вторгались чуждые православию религиозные ценности и учения, которые в контексте крупных социокультурных сдвигов стали вызывать у части общества конфессиональный интерес и получили реальную возможность воздействовать на православную религиозность и традиционную культуру. Подобная ситуация наблюдается и в жизни сегодняшней России. Изучение конфессиональных аспектов истории взаимодействия России и Запада позволит глубже понять современную социокультурную и политическую ситуацию, поможет определить стратегию будущего духовного развития нашей страны, внесет вклад в сохранение национального религиозного и культурного наследия. Последовательное научное решение проблемы восприятия иноверных учений российским общественным сознанием в XVIII в. имеет большое значение для понимания современных взаимосвязей культуры России с западным христианством.

Объектом исследования в диссертации выступают западно-христианские вероисповедания и церкви в России, представленные объединениями верующих, духовенством, религиозными учениями и культовыми практиками. Конкретно под западно-христианскими вероисповеданиями подразумеваются католицизм и ряд протестантских конфессий, зародившихся в странах Западной Европы в XVI–XVIII вв. и получивших в России институциональное оформление (лютеранство, кальвинизм, англиканство, меннонитство, гернгутерство). При этом термины «католичество», «католицизм» и «католическая религиозная традиция» (равно как и «протестантство», «протестантизм» и «протестантская традиция») используются в

диссертационной работе в соответствии с установившейся в научной литературе практикой как идентичные.

Предметом исследования является комплекс взаимоотношений различных групп русского общества с западно-христианскими вероисповеданиями и церквами, анализируемый в контексте государственной и социокультурной трансформации России XVIII в. Под комплексом взаимоотношений понимается «исторический процесс, который рассматривается как смена ситуаций внутри исторической системы в фиксированном интервале»¹. Главными параметрами, характеризующими данный процесс применительно к диссертационному исследованию, выступают ситуации религиозного общения россиян с адептами западных вероучений, социальные, бытовые и культурные связи русского общества с западно-христианскими церквами и общинами, специфические черты и стереотипы восприятия иноверия в России, организация прозелитической работы иноверцев и факты их конфессионального влияния. Категория «русское общество» трактуется как совокупность социальных слоев и прослоек, составляющих население России, т.е. вбирающая в себя не только русских в этническом смысле, но и представителей других народов, включенных в исторически сложившуюся социальную систему русского государства (в данном случае соответствует понятию «общество в России»).

Хронологические рамки исследования охватывают исторический период от начала правления Петра I и до конца царствования Павла I. Выбор хронологических границ обусловлен слабой изученностью периода по теме диссертации, а также спецификой взаимоотношений русского общества и иноверных церквей на данном хронологическом этапе. Отношение русского общества к западным вероисповеданиям, несмотря на его неоднозначность, на протяжении всего XVIII в. можно рассматривать как цельное историческое явление, обусловленное характерной для того времени политикой европеизации страны. Выбор начальной границы изучаемого периода, определяемой началом XVIII в., связан с принципиальными изменениями в культурной и политической жизни России, с переменами в положении Римско-католической и протестантских церквей в стране. Конечный хронологический рубеж, а именно окончание царствования Павла I, определяется на основании складывания к этому времени устойчивых форм взаимоотношений русского общества с представителями католичества и протестантства. Лишь с началом XIX в. можно говорить о наступлении качественно нового этапа в развитии данных взаимоотношений, главной особенностью которого стало появление в дворянской культуре феноменов «русского католицизма» и «русского протестантизма», философски систематизированных и идеологически оформленных в виде различных учений.

Территориальные рамки темы включают в себя пространство, лежащее в границах Российского государства, а затем, с 1721 г., – Российской империи. В них, кроме исторически русских территорий и земель, подвергнутых внутренней колонизации, вошли также области, отошедшие к России в ходе Северной войны (Лифляндия и Эстляндия с преобладающим лютеранским населением) и разделов

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 2003. – С. 206.

Речи Посполитой (Белоруссия, Правобережная Украина и Литва с господствующей в них Римско-католической церковью). Католики и протестанты присоединенных территорий были тесно связаны общностью церковного управления с прочими иноверными общинами страны и оказывали воздействие на процесс развития последних. Церковная жизнь лютеран прибалтийских провинций, так же как и деятельность католиков бывших польских земель, отражалась на состоянии русского церковного и гражданского управления, влияла на развитие правовой системы, выступала одним из факторов духовного бытия России. Успешная политическая и экономическая интеграция указанных земель в состав Российского государства способствовала установлению тесных хозяйственных и культурных связей жителей внутренних русских губерний с иноверцами и неправославными церквями Западного края. Все это дает основания исследовать процессы взаимодействия общества с западными вероисповеданиями в отмеченных территориальных рамках.

Состояние изученности темы. Все многообразие исследовательских работ, имеющих отношение к проблемам взаимодействия русского общества XVIII в. с западно-христианскими церквями, затрагивающих тему влияния католицизма и протестантизма на духовную культуру России, условно можно разделить на две группы, каждая из которых имеет свою внутреннюю периодизацию и разбивается на различные исторические школы и направления.

Первую группу работ составляют труды по истории западноевропейских вероисповеданий в России (Римско-католической церкви и протестантских общин), а также примыкающие к ним сочинения, посвященные вопросам политического и культурного сближения Российского государства со странами Западной Европы, затрагивающие отдельные аспекты истории иноверцев и межконфессиональных отношений. Внутри группы целесообразно выделить российскую (дореволюционную, современную) и зарубежную (русскую эмигрантскую и собственно иностранную) историографии.

Дореволюционные работы российских историков. На начальном этапе осмысления опыта российско-иноверческих взаимосвязей, вплоть до конца XIX в., изучение истории католицизма и протестантизма в России имело различную логику. Католицизм становился предметом исследования преимущественно русских авторов, в то время как процессы возникновения и развития протестантских общин долгое время интересовали почти исключительно самих иностранцев-протестантов, живших и работавших в России. Данный историографический феномен объясняется тем, что в России наиболее остро стояла проблема католического влияния (прозелитизма католиков), а вопросы жизнедеятельности российских протестантов не вызывали столь острого общественного резонанса. Протестантизм вызывал сравнительно меньше опасений, вследствие чего связанные с ним исторические проблемы воспринимались как менее актуальные. Однако сами российские протестанты обладали выраженным историческим сознанием, что проявилось в их стремлении в подробностях зафиксировать события своей истории.

Специальное изучение различных сторон российской католической проблематики, в отличие от истории протестантов, в отечественной науке было начато

только во второй половине XIX в. Русские ученые дореволюционного периода в первую очередь пытались оградить соотечественников от «тлетворного» латинского духа, поэтому история Римской церкви ими часто трактовалась как история папской религиозной и политической экспансии. В этой связи следует отметить труды крупнейших историков церковно-охранительного и славянофильского направлений – Д.А. Толстого, М.Я. Морошкина, А.Н. Попова, Ю.Ф. Самарина и др.² Ученые внесли большой вклад в развитие исторического знания, однако специфические связи русского общества с «латинянами», сложившиеся в XVIII в., данными авторами не были проанализированы, а решение вопросов конфессиональных взаимоотношений в их трудах, как правило, оставалось подчиненным исследованию государственной политики в отношении Римско-католической церкви и особенно иезуитов.

Первыми опытами изучения истории протестантства в России стали сочинения немецких лютеранских пасторов А.Ф. Бюшинга и И.Х. Грота, служивших в Петербурге во второй половине XVIII в. Используя документы из церковных архивов, обращаясь к свидетельствам писавших о России иностранных путешественников, пасторы создали обширные исторические труды: А.Ф. Бюшинг – «Историю евангелическо-лютеранских общин в Российской империи» в двух частях³, И.Х. Грот – трехтомник «Заметки о религиозной свободе иностранцев в Российской империи»⁴. А.Ф. Бюшинг в деталях проследил процессы становления лютеранских общин, начиная с эпохи Ивана Грозного и заканчивая воцарением Екатерины II, охарактеризовал деятельность протестантов как в столицах, так и в ряде провинциальных городов. И.Х. Грот, с 1765 по 1799 гг. служивший в петербургской общине св. Екатерины, продолжил начатые Бюшингом исторические и статистические исследования и сумел значительно расширить представления о жизнедеятельности евангелических общин в России XVI–XVII вв., обогатил науку сведениями о лютеранах, проживавших в империи в последней трети XVIII в., а также привел отрывочные данные о реформатах и католиках. Вместе с тем следует отметить, что Бюшинг и Грот были сосредоточены на изучении внутриобщинной деятельности российских протестантов (в первую очередь лютеран). И хотя Грот ставил проблемы несколько шире, рассматривая вопросы конфессионально смешанных браков и реализации вероисповедных прав иностранцев, его сочинение в строгом смысле не является работой по истории межконфессиональных отношений.

В XIX в. разработку истории лютеран и реформатов в России продолжили пасторы, а также наиболее активные прихожане петербургских и московских ки-

² Толстой Д.А. Римский католицизм в России. – СПб., 1876. – Т. 1–2; Морошкин М.Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. – СПб., 1867–1870. – Ч. 1–2; Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России. – М., 1868; Попов А.Н. Екатерина и иезуиты // Андреев А.Р. История ордена иезуитов в Российской империи. XVI – начало XIX в. – М., 1998. – С. 261–263; Симашикевич М.В. Римское католичество и его иерархия в Подолии. – Каменец-Подольск, 1872.

³ Büsching A.F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich. – Altona, 1766–1767. – Th. 1–2.

⁴ Grot J. Ch. Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reich. – SPb.-Leipzig, 1797–1798. – Bd. 1–3.

рок. Весомый вклад в изучение темы внесли труды проповедника немецких кальвинистов в Петербурге Г.Ф. Дальтона, коллежского советника Э. Буша, пастора московской кирки св. Михаила А.В. Фехнера⁵. В то же время появились публикации, посвященные историческому развитию отдельных общин и даже отдельных учебных заведений при кирках: хроника реформатской общины в Петербурге Э. Муральта⁶; сочинение К. Леммериха по истории Петрикирхе⁷; труды Г. Видемана и Э. Фризендорфа, посвященные истории петербургских Петришуле и Анненшуле⁸. Сочинения указанных протестантских авторов содержат множество описаний, насыщены историческими фактами и статистическими данными, особенно по периоду XVIII в., однако при всей своей значимости они могут служить лишь вспомогательным материалом для *системного научного* исследования проблем истории иноверных христиан в России. Большая часть указанных работ представлена хрониками, справочниками, фактографическими сборниками, лишенными даже предварительных обобщений. Попытки структурно-функционального анализа связей протестантов с государственными органами и населением империи в них не предпринимались.

Разработки российских протестантов пробудили исследовательский интерес русских ученых. Большое историографическое значение имела книга И.И. Соколова, ставшая первой попыткой изучения религиозного влияния протестантов на русское общество⁹. Автор не смог избежать многочисленных неточностей и ошибок, однако сумел восстановить цельную картину расселения протестантов в «Московии». Анализируя взаимодействие жителей России и Украины с протестантами, историк пришел к выводу о зарождении большинства русских мистических сект (будущих хлыстов, духоборов, молокан) в результате прямого конфессионального влияния квакеров, пиетистов и представителей других радикальных протестантских течений. Несмотря на то, что большая часть доказательств данной теории опирается на произвольные сопоставления, бесспорной заслугой автора является постановка самой проблемы протестантского влияния. Данная проблема, однако, рассматривалась на материалах допетровской Руси – XVIII в. не вошел в хронологические рамки работы.

Крупным достижением русских исследователей стало проблемное видение истории западных христиан в России. Конец XIX в. был ознаменован поворотом отечественной науки к исследованию проблем истории российских католицизма и

⁵ Dalton H. Geschichte der Reformierten Kirche in Rußland. – Gotha, 1865; Dalton H. Die Evangelische Kirche in Rußland. Drei Vorträge. – Leipzig, 1890; Dalton H. Beiträge zur Geschichte der evangelische Kirche in Rußland. – Gotha; Berlin, 1887–1905. – Bd. 1–4; Busch E.H. Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Rußland. – SPb., 1862; Busch E.H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in Russland. – Bd. 1. – SPb., 1867; Fechner A.W. Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau. – Moskau, 1876. – Bd. 1–2; Fechner A.W. Die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in Russland. – SPb., 1909–1911. – Bd. 1–2.

⁶ Muralt E. Chronik der vereinigten franzoesischen und deutschen reformierten Gemeinde in St. Petersburg. – Dorpat, 1842.

⁷ Lemmerich C. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg. – SPb., 1862.

⁸ Wiedemann H. Chronik der St. Annen-Kirchen-Schule. – SPb., 1852; Friesendorf E. Zur Geschichte der St.-Petri-Schule in St. Petersburg. – SPb., 1887.

⁹ Соколов И.И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII вв. – М., 1880.

протестантства не в обособленном друг от друга состоянии, а в интегрированном качестве. В это время появилась целая плеяда ученых, поставивших целью объективное изучение истории иностранных исповеданий в России как целостного явления, а также инициировавших разработку ряда сопутствующих проблем. Особо следует отметить труды Д.В. Цветаева, который впервые определил формы взаимоотношений православного населения России и представителей других христианских конфессий, рассмотрел вопросы миграции неправославных христиан в Российское государство, политические и правовые условия их существования, процессы «обрусения», переходы в православие и др. явления в границах XVI–XVII вв.¹⁰ Выдающийся ученый проследил также генезис отдельных иноверных общин, процессы церковного строительства протестантов и католиков, осветил вопросы православной полемики с протестантизмом, рассмотрел образовательную работу иноверцев в России¹¹. Несмотря на то, что XVIII в. не входил в хронологические рамки исследований Д.В. Цветаева, его работы являются базовыми для понимания традиционных форм отношений между русским населением и иноверцами.

Среди крупных дореволюционных исследований отметим книгу профессора Юрьевского университета М.Е. Красножена¹², в которой представлена широкая картина взаимоотношений русской государственной власти с католиками и протестантами, зафиксированы бытовые и культурные контакты неправославных христиан с русским населением, рассмотрены специфические вопросы религиозного общения православных и иноверцев. Автор исследовал, в основном, юридическую практику связей государства и неправославных христиан, а также затронул некоторые проблемы складывания норм русского церковного права в отношении католиков и протестантов. Изучение проблем истории западного христианства в России XVIII в. занимает в книге данного автора небольшой объем, гораздо большее число материалов в ней касается правовой практики государства в отношении иноверцев в XIX столетии. Восемнадцатому веку больше внимания уделил правовед Н.Д. Кузнецов, впервые проанализировавший процессы становления российских органов власти в сфере надзора за церковными объединениями иноверцев, исследовавший законодательство в отношении католиков и протестантов, осветивший сложности и противоречия, возникающие при реализации церковных прав неправославных христиан в абсолютистской России¹³.

¹⁰ *Цветаев Д.В.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII вв. – М., 1886; *Он же.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. – М., 1890.

¹¹ *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве. – М., 1885; *Он же.* Вероисповедное положение протестантских купцов в России в XVI–XVII вв. – М., 1885; *Он же.* Построение первой каменной протестантской церкви в Москве. – М., 1885; *Он же.* Литературная борьба с протестантизмом в Московском государстве. – М., 1887; *Он же.* Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра. – Варшава, 1889; *Он же.* Положение иноверия в России: историческое обозрение. – Варшава, 1904.

¹² *Красножен М.Е.* Иноверцы на Руси. – Юрьев, 1903.

¹³ *Кузнецов Н.Д.* Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. – Ярославль, 1898. – (Временник Демидовского юридического лицея. – Кн. 75).

Отечественные историки разрабатывали и другие аспекты темы конфессионального сближения России и Запада. Отдельные сюжеты из истории восприятия иноверия в России рассматривал Н. Покровский¹⁴, личную позицию Петра Великого в отношении к западными христианами, а также к их религиозным учениям, проанализировал в специальной брошюре Ф.А. Терновский¹⁵. Правительственные меры, направленные против иноверной пропаганды, в ряде публикаций рассмотрел Д.Г. Извеков. Статьи этого автора являются единственными дореволюционными работами, непосредственно посвященными проблеме влияния западных конфессий на русское общество в XVIII в.¹⁶ Выводы Д.Г. Извекова часто спорны, однако несомненной заслугой историка стало то, что он одним из первых приступил к анализу процессов восприятия иноверцев в русской церковной среде. В дальнейшем эти вопросы не вызывали интереса у специалистов, а в советское время изучение истории западных церквей и конфессий в России практически полностью прекратилось.

Современные российские публикации. В 90-е гг. XX в. впервые за многие десятилетия в отечественной исторической науке наметилось усиление внимания к конфессиональной проблематике. Стали появляться работы общего характера по истории католической и протестантской религиозных традиций в России, во многом следовавшие уже сделанным выводам в этой области дореволюционными авторами¹⁷. Возобновилось исследование истории российских иезуитов и их педагогической деятельности, стали появляться труды по истории политических взаимоотношений царской власти с «Обществом Иисуса» в XVIII в.¹⁸ Изучение роли иезуитов в российской истории и теперь остается перспективным направлением исследований: в этом направлении трудятся многие ученые, принявшие участие в издании сборника «Россия и иезуиты»¹⁹. Вызывают исследовательский интерес также вопросы религиозной политики, взаимоотношений государства и неправославных церквей, которые, однако, изучаются в широких хронологических и проблемных границах, не позволяющих осмыслить специфические связи, сложившиеся между католиками, протестантами и российскими органами власти в

¹⁴ Покровский Н. Борьба с протестантскими идеями в петровское время и кн. Михаил Кропоткин // Русский вестник. – 1872. – Т. 101 (сентябрь). – С. 203–234.

¹⁵ Терновский Ф.А. Император Петр I в его отношениях к католицизму и протестантизму. – Киев, 1863.

¹⁶ Извеков Д.Г. Отношение русского правительства в первой половине XVIII столетия к протестантским идеям // Журнал министерства народного просвещения. – 1867. – № 10. – С. 59–81; Он же. Отношение русского правительства к католической пропаганде в первой половине XVIII в. // ЖМНП. – 1870. – № 9; Он же. Проповедническая противу-протестантская литература на Руси в первой половине XVIII столетия // Православное обозрение. – 1871. – № 1. – С. 63–109.

¹⁷ Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Католицизм, протестантизм, армянская апостольская церковь в России. – М., 1995; Андреев А.Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи: XVI – начало XIX в. – М., 1998; Андреев А.Р. Монашеские ордена. – М., 2002.

¹⁸ Блинова Т.Б. Иезуиты в Белоруссии. – Минск, 1990; Она же. Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения. – Гродно, 2002; Чуркина И.В. Иезуиты в России (1772–1820 гг.) // Вопросы истории. – 1996. – № 10. – С. 144–150; Лушпай В.Б. Иезуиты в политике Екатерины II // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 130–137; Он же. Антипапская пропаганда белорусских иезуитов во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. – 2001. – № 8. – С. 124–133; Он же. Иезуиты в России второй половины XVIII в.: Дис. канд. ист. наук. – М., 2002.

¹⁹ Россия и иезуиты. 1772–1820 / под ред. М. Инглота, Е.С. Токаревой. – М., 2006.

XVIII в.²⁰ Часто история и положение неправославных христиан рассматриваются в широком контексте политических инициатив, касающихся не только католиков и протестантов, но также мусульман, «инородцев» и представителей иудаизма в Российской империи²¹.

В 1990-е и 2000-е гг. историки вновь обратились к изучению проблем становления неправославных общин в России и способов их жизнедеятельности. Исследовательский интерес возник благодаря книгам известного петербургского ученого Ю.Н. Беспярых, впервые опубликовавшего на русском языке и подробно проанализировавшего ряд мемуарных свидетельств и путевых записок иностранцев о Петербурге первой половины XVIII в.²² Предисловие и комментарии к запискам, составленные ученым, до сих пор остаются важнейшим источником информации по вопросам церковного строительства иноверцев, их религиозной жизни, прохождения ими государственной службы, отношений с правительственными органами и сановниками в России петровского и послепетровского времени.

В плане изучения истории жизнедеятельности неправославных общин в России, влияния протестантской идеологии на российское общественное сознание и политическую практику властей, следует отметить труды А.Э. Алакшина²³. Автор рассмотрел ряд таких проблем, как способы взаимоотношений органов власти и иноверческих организаций, политические мероприятия относительно протестантов и католиков, характер российского законодательства XVIII в. в его отношении к неправославным. Весомым вкладом в разработку истории российского протестантства стали монография А.Э. Алакшина²⁴ и докторская диссертация, защищенная тем же автором в 2008 г.²⁵ В данных работах протестантские общины Петербурга впервые предстали как самостоятельный историко-культурный феномен, обладающий сложной динамической структурой и специфической функциональной нагрузкой. Ученый исследовал вопросы правового положения иноверцев в России, раскрыл проблемы церковной жизни, педагогической и социальной деятельности петербургских протестантов в течение первого века существования города на Неве.

²⁰ Щапов Я.Н., Васильева О.Ю., Зырянов П.Н. и др. Христианские вероисповедания и государственная власть в России в XVIII – первой половине XX в. // Отечественная история. – 1998. – № 3. – С. 155–163; Тихонов А.К. Власти и католическое население России в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. – 2004. – № 3. – С. 140–146; Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб., 2007.

²¹ Ислаев Ф.Г. Религиозная политика Российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе: XVIII в.: Дис. докт. ист. наук. – Казань, 2005; Романовская Л.Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование): Дис. канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006.

²² Беспярых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: введение, тексты, комментарии. – Л., 1991; Он же. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: введение, тексты, комментарии. – СПб., 1995.

²³ Алашкин А.Э. Становление протестантских общин в Санкт-Петербурге (Первая четверть XVIII в.): Дис. канд. ист. наук. – Челябинск, 1998; Он же. Политика Петра I в отношении иноверцев // Россия на пути реформ: основные парадигмы развития общества. – Челябинск, 1998. – С. 127–132; Он же. Политика российского правительства в XVIII в. в отношении иноверцев // Свобода совести и вероуважение – основы межконфессионального согласия: мат. межрегион. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2001. – С. 30–33.

²⁴ Алашкин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. – Челябинск, 2006.

²⁵ Алашкин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в.: Автореф. дис. докт. ист. наук. – СПб., 2008.

Вместе с тем специальные труды по истории протестантов и католиков в масштабах всей России и в хронологических рамках XVIII в. до сих пор отсутствуют. Попытки осветить историю лютеран и католиков в России в целом в недавнее время предпринимали О.В. Курило и О.А. Лиценбергер, которые, однако, не проработали даже малую часть имеющихся источников XVIII столетия. О.В. Курило изучала историю российских лютеран преимущественно в этнографическом аспекте, используя материалы полевых исследований при характеристике жизнедеятельности современных лютеранских общин, а также фольклорные источники²⁶. В книге О.А. Лиценбергер, посвященной истории католицизма в России, раскрываются, в основном, вопросы правового статуса Римской церкви в Российском государстве в XI–XX вв., причем рассмотрению XVIII в. уделен лишь один параграф²⁷. Собственно к теме религиозных взаимоотношений подданных России с западными церквями О.А. Лиценбергер обратилась в своей докторской диссертации, однако и здесь практически все внимание оказалось сосредоточенным на изучении проблем правового статуса католической и лютеранской церквей, политики властей в их отношении²⁸. В диссертационном исследовании О.А. Лиценбергер подавляющее число задействованных материалов касается истории неправославных конфессий в XIX – начале XX вв., а данные за XVIII столетие носят отрывочный и случайный характер. Кроме отмеченных работ, существует также исторический справочник, содержащий краткие сведения о лютеранских общинах, кирках и школах, действовавших в России в течение XVIII–XX вв.²⁹; имеются отдельные региональные исследования, в которых, однако, почти не затрагивается интересующий нас период³⁰.

Ряд несистематизированных сведений о деятельности католиков и протестантов, их отношениях с русскими соседями, дают многочисленные сборники статей и материалов «Немцы в России», отдельные исследования на тему иностранных колонистов³¹. В них почти всегда идет речь о выходцах из германских земель и очень мало содержится информации о конфессиональной жизни иностранцев в XVIII в. (исключение составляют книга И.Р. Плеве, в рамках отдель-

²⁶ Курило О.В. Лютеране в России XVI–XX вв. – М., 2002.

²⁷ Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. – Саратов, 2001.

²⁸ Лиценбергер О.А. Римско-католическая и евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): Дис. докт. ист. наук. – Саратов, 2005.

²⁹ Лютеранские церкви и приходы России XVIII–XX вв.: Ист. справ. / Сост. Е.Е. Князева, Г.Ф. Соловьева. – СПб., 2001. – Ч. 1.

³⁰ Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь св. Марии в Саратове. – Саратов, 1995; Корнилов И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.): Дис. канд. ист. наук. – М., 2003; Маракушина Е.В. Католические монашеские миссии на Северозападе России: Дис. канд. философ. наук. – СПб., 2007; Она же. Историко-религиоведческий анализ деятельности ордена иезуитов в Санкт-Петербурге // Вестник СПб. университета. Серия 6. – 2007. – № 3. – С. 269–277; Лазарова Э.Т. Католичество на Северном Кавказе (XIII – начало XX в.): Дис. канд. ист. наук. – Владикавказ, 2007.

³¹ Немцы в России: люди и судьбы: сб. ст. – СПб., 1998; Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи: сб. ст. – СПб., 2000; Немцы и Оренбургский край: сб. мат. науч. конф. – Оренбург, 1994; Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: мат. науч.-практ. конф. – Оренбург, 1997; Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. – М., 1997.

ной главы рассмотревшего религиозные аспекты жизни немцев³², а также публикации В.С. Ржеуцкого, который уделил внимание церковному устройству франкоязычных землячеств³³). Наряду с общими вопросами правового и социального статуса иностранцев процессы складывания бытовых и религиозных связей «немцев» с русским обществом в допетровский период рассмотрели С.П. Орленко, Т.А. Опарина, Л.А. Черная³⁴.

Как видим, в качестве *самостоятельной* темы, комплексная проблема взаимоотношений русского общества с представителями западно-христианских вероисповеданий в XVIII в. остается практически неизученной не только в дореволюционной, но и в современной российской историографии. Все упомянутые авторы приводят лишь отдельные факты, касающиеся темы межконфессиональных связей в России, или рассматривают отдельные срезы интересующей нас проблемы. Исключением являются статья Б.А. Успенского и А.Б. Шишкина, содержащая богатый материал по проблемам религиозного общения и культурных контактов русских с иноверцами³⁵, а также некоторые современные публикации на тему «русского католицизма» и «русского протестантизма», в которых, тем не менее, исследуется более поздний хронологический период³⁶. Также следует отметить, что до сих пор не было и научных трудов, где бы системно и в то же время детально рассматривались процессы развития церковных объединений католиков и протестантов в их сравнительном друг к другу отношении на всей территории России в XVIII столетии. Данная диссертация и публикации, отражающие ее основные положения, в значительной мере восполняют имеющийся в историографии пробел.

В русской *эмигрантской историографии* преимущественно разрабатывались проблемы истории российских католиков. Данное направление стало складываться еще в XIX в., когда многие русские католики по идеологическим соображениям были вынуждены жить и трудиться за рубежом. Среди них следует отметить иезуитов П.О. Пирлинга и князя И.С. Гагарина, полемизировавших с

³² Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. – М., 2000.

³³ Rzeutsky V. Les Français de la Volga: la politique migratoire russe des années 1760, et la formation des communautés francophones à St.-Petersbourg et à Moscou // Cahiers du monde russe. – Paris, 1998. – Vol. 39. – P. 283–296; Ržeuckij V. La colonie française et l'Eglise catholique de Moscou à la fin du XVIII siècle // Cahiers du monde russe. – Paris, 2000. – Vol. 41. – P. 615–628; Ржеуцкий В.С. Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция XVIII–XX в. – М., 2003. – Вып. 5. – С. 30–55.

³⁴ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). – М., 2004; Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. – М., 2007; Она же. Представление о христианине другой конфессии в России первой половины XVII в. // Древняя Русь и Запад. – М., 1996. – С. 160–166; Черная Л.А. «Западники» посольского приказа XVII в. // Там же. – С. 173–174.

³⁵ Успенский Б.А., Шишкин А.Б. Третиakovский и янсенисты // Символ. – 1990. – № 23. – С. 105–264.

³⁶ Цимбаева Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. – М., 1999; Она же. Русские неокатолики: кризис веры // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. – М., 2000. – № 3. – С. 27–35; Она же. Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX в. – 2-е изд. – М., 2008; Бахметьева Т. Русский католицизм первой четверти XIX в.: новый взгляд // Религиоведение. – 2005. – № 4. – С. 30–41; Юдин А.В. «Католическая идея» в русской культуре первой трети XX в.: Концепция и практическая деятельность Л.И. Федорова: Дис. канд. ист. наук. – М., 2003; Бачинин В.А. У истоков российского протестантизма // Вопросы истории. – 2007. – № 3. – С. 20–32.

Д.А. Толстым и славянофилами. П.О. Пирлинг выступил автором фундаментального труда «Россия и Святой Престол», посвященного политическим отношениям между Россией и Римом в XVI–XVIII вв.³⁷ Особенно основательно историк исследовал православно-католические взаимосвязи в период Смутного времени³⁸. И.С. Гагарин, главным образом, интересовался проблемами католического конвертизма и восприятия русским обществом католичества в XVIII–XIX вв.³⁹, однако в полном смысле научными трудами сочинения князя-иезуита считаться не могут по причине их сильной идеологизации, полемичности и, как следствие, субъективности. Из эмигрантских работ XX в. необходимо отметить исследования А.В. Флоровского (Чехословакия), специально занимавшегося историей чешских иезуитов в России в первой четверти XVIII столетия и впервые приступившего к изучению католической образовательной деятельности, а также вопросов ее влияния на русское общество. К сожалению, ученый ограничился исследованием петровской эпохи⁴⁰.

Зарубежные историки создавали как обзорные труды по истории Римской церкви и протестантства в России, так и фактографические работы, посвященные конкретным общинам и миссиям. Взаимоотношения русского «царизма» с папством в деталях проследил академик Э. Винтер⁴¹. В разное время к отдельным проблемам истории российских католичества и протестантства обращались и другие немецкие авторы, в основном интересовавшиеся историей поволжских немцев и вообще немцев в России, – Й. Шнурр, М. Вольтнер, К. Штумп и др.⁴² Особое место в ряду подобных исследований принадлежит трудам немецкого историка Э. Амбургера. Ученый в широком контексте политического и духовного развития Российского государства проследил процессы формирования церковных объединений протестантов, исследовал жизнь отдельных лютеранских приходов, составил биографический словарь пасторов, служивших в России с XVI в. по 1937 г.⁴³ Тем не менее, несмотря на концептуальное видение российской истории, Э. Амбургер, как и многие его коллеги, сравнительно мало внимания уделил периоду интенсивной европеизации страны, XVIII веку. Данный период в большей степени интересовал Ю. Кеммерера, попытавшегося оценить вклад французских ре-

³⁷ *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège: Études diplomatiques. – Paris, 1896–1912. – Т. 1–5.

³⁸ *Пирлинг П.О.* Дмитрий Самозванец. – Ростов-на-Дону, 1998; *Он же.* Из смутного времени. Статьи и заметки. – СПб., 1902; *Он же.* Исторические статьи и заметки. – СПб., 1913.

³⁹ *Gagarin J.* L'Impératrice Anne et les catholiques en Russie. – Lyon, 1878; *Gagarin J.* L'Empereur Paul et le P. Gruber. – Lyon, 1879; *Gagarin J.* Tendances catholiques dans la société Russie. – Paris, 1860.

⁴⁰ *Florovsky A.* Češt jesuite na Rusi. – Praha, 1941; *Флоровский А.В.* Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Сб. статей. – М.-Л., 1962. – Вып. 5. – С. 316–335.

⁴¹ *Винтер Э.* Папство и царизм. – М., 1964.

⁴² *Schnurr J.* Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Katholischer Teil. Aus Vergangenheit und Gegenwart des Katholizismus in Rußland. – Stuttgart, 1980; *Schleining J.* Die deutschen Kolonien im Wolgagebiet. – Berlin, 1919; *Woltner M.* Das wolgadeutsche Bildungswesen und die russische Schulpolitik. – Leipzig, 1937; *Stumpp K.* Die Russlanddeutschen. Zweihundert Jahre unterwegs. – Freilassing, 1964.

⁴³ *Amburger E.* Geschichte des Protestantismus in Russland. – Stuttgart, 1961; *Amburger E.* Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937. – Erlangen, 1998.

форматов в развитие российского управления, промышленности, армии, науки и образования⁴⁴.

Подавляющая часть работ иностранных авторов касается проблем пребывания их соотечественников в России. В таких публикациях почти всегда находили отражение отдельные моменты конфессиональной истории иностранцев. О французах в России (кальвинистах и католиках) с рассмотрением вопросов развития их церковно-приходской жизни писал Ф.И. Тастевен⁴⁵. Много ценной фактической информации содержится в книге швейцарского ученого Г. Шнайдера, изучавшего жизнь и деятельность своих соотечественников (пасторов и католических священников) в России XVIII – начала XX вв.⁴⁶ В 2001 г. на русском языке был издан сборник статей и материалов о голландцах-реформатах в Петербурге, подготовленный к публикации голландскими учеными П.Н. Холтропом, Т.И. Стаалдауне, Г. Бринкманом и др.⁴⁷ В том же году в русском переводе было опубликовано историко-искусствоведческое исследование польской ученой Р. Ханковской, посвященное становлению и развитию католического прихода св. Екатерины в Петербурге⁴⁸. Пребыванию поляков, шведов и англичан в городе на Неве, с выходом на события их конфессиональной жизни, соответственно посвятили свои монографии Л. Базылёв, Б. Янгфельдт и Э. Кросс⁴⁹. Все три книги стали доступными русскому читателю благодаря научной работе Ю.Н. Беспярых, осуществившего их перевод на русский язык.

Вторую группу работ, близких к теме настоящей диссертации, составляют труды по истории Русской православной церкви, а также по проблемам русской церковно-религиозной жизни, – труды, как правило, имеющие краткие разделы по истории западных исповеданий в России и затрагивающие некоторые аспекты межконфессиональных связей.

Дореволюционные работы. Первую попытку создать «ученую» историю РПЦ еще в первой половине XIX в. предпринял черниговский архиепископ Филарет (Д. Гумилевский). В своей книге преосвященный нередко останавливался на борьбе россиян с «папизмом» и «реформацией» в XVII–XVIII вв., однако в изложении событий истории католицизма и протестантизма был краток и упрощенно-схематичен⁵⁰. В дальнейшем опыт пребывания иноверцев в России в контексте исторического развития РПЦ попытался охарактеризовать признанный специалист по русской церковной истории прот. П.В. Знаменский⁵¹. В конце XIX в. профессор А.П. Доброклонский издал свое «Руководство по истории Русской церк-

⁴⁴ *Kämmerer J.* Rußland und die Hugenotten im 18. Jahrhundert (1689–1789) // *Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa.* – Bd. 13. – Wiesbaden, 1978.

⁴⁵ *Tastevin F.* Histoire de la colonie française de Moscou. – Moscou-Paris, 1908; *Тастевин Ф.И.* Французы-кальвинисты в России // *Русский архив.* – 1910. – № 4. – С. 629–644.

⁴⁶ *Schneider H.* Schweizer Theologen im Zarenreich (1700–1917). Auswanderung und russischer Alltag von Theologen und ihren Frauen. – Zürich, 1994.

⁴⁷ Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927): сб. ст. – СПб., 2001.

⁴⁸ *Ханковска Р.* Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге. – СПб., 2001.

⁴⁹ *Базылев Л.* Поляки в Петербурге. – СПб., 2003; *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербург. – СПб., 2003; *Кросс Э.* Британцы в Петербурге. XVIII век. – СПб., 2005.

⁵⁰ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История Русской Церкви в пяти периодах. – М., 2001.

⁵¹ *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. – Минск, 2005.

ви», в которой целая глава (под характерным названием «Лжеучения») была посвящена отношению РПЦ и ее чад к последователям иных христианских исповеданий⁵². Всем этим трудам присущи субъективизм, схематизм и выраженный полемический настрой.

Несистематизированные, но весьма ценные сведения об отношении к иноверцам различных слоев русского общества в XVIII в. содержатся в работах, освещающих как общие, так и частные вопросы религиозной и церковной жизни Российского государства⁵³. Многообразные влияния католической литературы на русскую духовную письменность становились предметом анализа в исследованиях выдающегося отечественного историка А.С. Лаппо-Данилевского, который в своем главном труде, посвященном истории политических идей в России, попытался раскрыть ряд проблем западного влияния на богословие, социально-политические и философские доктрины русских и украинских православных мыслителей. К сожалению, данный труд автором так и не был завершен. На сегодняшний день отдельной монографией издана только вводная часть сочинения А.С. Лаппо-Данилевского, где рассматриваются тенденции развития русской мысли с учетом западноевропейского (католического и протестантского) фактора в XVII столетии⁵⁴.

Большое научное значение до сих пор имеют *работы русских эмигрантских историков XX в.* Различные сведения о творческой интерпретации и использовании сочинений западных теологов русскими церковными деятелями и богословами были систематизированы в монументальном историко-богословском труде прот. Г.В. Флоровского⁵⁵. Известный эмигрантский ученый А.В. Карташев много внимания уделил реформе РПЦ и ее «протестантским» духовным и политическим истокам, однако, не занимаясь специальным изучением процессов взаимовлияния христианского Запада и православной России, ограничился перечислением уже известных фактов из истории межконфессионального сотрудничества⁵⁶. Наиболее полно интересующие нас вопросы истории западного христианства были раскрыты в фундаментальном труде по истории Русской церкви И.К. Смолича, содержащем три пространных параграфа, посвященных отношению российского правительства и русской церкви к римскому католицизму, унии и протестантству⁵⁷. Автор рассмотрел такие проблемы, как распространение католичества и протестан-

⁵² Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской церкви. – М., 2001.

⁵³ Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. – СПб., 1868; Терновский Ф.А. Московские еретики в царствование Петра I // Православное обозрение. – 1863. – № 4–7; Он же. Рожнец духовный и Камень веры. Два полемических сочинения против еретиков в царствование Петра I // Православное обозрение. – 1863. – № 11–12; Тихонравов Н.С. Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский // Тихонравов Н.С. Сочинения. – М., 1898. – Т. 2. – С. 156–304; Гурьев В. Расстриги девки квакереи // Русский вестник. – М., 1881. – Т. 154. – № 8. – С. 425–458; Морев И., прот. «Камень веры» митрополита Стефана Яворского, его место среди отечественных противопротестантских сочинений и характеристические особенности его догматических воззрений. – СПб., 1904.

⁵⁴ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. – М., 1990.

⁵⁵ Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. – Минск, 2006.

⁵⁶ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. – М., 1997. – Т. 2.

⁵⁷ Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917. // История Русской Церкви в 9-ти книгах. – М., 1996–1997. – Кн. 8. – Ч. 1–2.

ства в России, законодательство об иноверцах, некоторые вопросы восприятия католичества и унии в русском обществе. Однако все три параграфа книги И.К. Смолича охватывают слишком большой хронологический период – от петровской эпохи до революции 1917 г., что не позволяет автору сконцентрироваться на решении указанных проблем собственно в границах XVIII столетия. Поэтому многие проблемы религиозных и культурных контактов россиян с иноверцами в XVIII в. не получили должного освещения и в этой работе.

Советские историки ограничивались «разоблачением реакционной и антинародной деятельности» РПЦ и других церквей и мало интересовались собственно религиозной проблематикой. Вместе с тем благодаря А.И. Клибанову наука обогатилась сведениями о генезисе русских сект, ведущую роль в процессе которого, по мнению ученого, сыграли антифеодальные (антицерковные) настроения части русского общества⁵⁸. Фактор протестантского воздействия на складывание оппозиции официальной православной церкви историком также рассматривался, однако не признавался решающим. Примерно в это же время появился ряд работ российских и украинских ученых, где наряду с освещением вопросов появления в рамках русской философии новых антисхоластических тенденций были затронуты проблемы католического влияния на отечественную религиозную мысль XVIII в.⁵⁹ Тем не менее, данные исследования могут выступать лишь подспорьем при изучении проблемы иноверного влияния на русскую философию, сама же проблема в них не разрешается и остается открытой.

В *современных работах* по истории церковной жизни России авторы также подробно не останавливаются на изучении православно-католических и православно-протестантских взаимосвязей, однако указывают на некоторые принципиальные факты отношения русского общества к западным направлениям в христианстве. Тему «европейская культура и старообрядцы» в широком историческом контексте разрабатывает Н.С. Гурьянова⁶⁰. Историей русского сектантства и реформационного вольномыслия занимаются Е.Б. Смилянская, С.А. Иникова, А.С. Лавров, А.А. Панченко⁶¹, которые сосредоточены на изучении особенностей вероучения сектантов, их культовых практик, специфических черт «народной религиозности» в связи с общим историко-культурным развитием России XVIII в.

⁵⁸ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). – М., 1965; *Она же*. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. – М., 1977.

⁵⁹ Захара И.С. Борьба идей в философской мысли на Украине на рубеже XVII–XVIII вв.: Стефан Яворский. – Киев, 1982; Ничик В.М. Из истории отечественной философии конца XVII – начала XVIII в. – Киев, 1978; Ничик В.М. Феофан Прокопович. – М., 1977; Кашиба М.В. Место Георгия Конисского в украинско-белорусских философских взаимосвязях // Идеиные связи прогрессивных мыслителей братских народов (XVII–XVIII вв.). – Киев, 1978. – С. 89–153.

⁶⁰ Гурьянова Н.С. Старообрядцы и проблема толерантности // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 2. – С. 40–44; *Она же*. Старообрядчество и процесс европеизации русской культуры в XVIII в. // Сибирь на перекрестке мировых религий. – Новосибирск, 2002. – С. 139–142; *Она же*. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. – Новосибирск, 2007.

⁶¹ Смилянская Е.Б. Суеверия и народное религиозное вольнодумство в России XVIII в.: Дис. докт. ист. наук. – М., 2004; Иникова С.А. Русские секты // Русские. – М., 1997. – С. 722–740; Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. – М., 2000; Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – М., 2002.

Проблема протестантского фактора в формировании русских «ересей» этими авторами ставится, однако специалисты ограничиваются общими формулировками при ее решении, признавая или же отрицая значимость процессов сближения сектантов с носителями идей западного протестантизма. В любом случае, проблема происхождения русского традиционного сектантства в контексте истории межконфессиональных отношений в XVIII в. до сих пор не получила должного освещения.

Подводя итог историографическому обзору и суммируя полученные в ходе историографического анализа выводы, следует подчеркнуть, что проблемы восприятия русским обществом западно-христианских вероисповеданий в XVIII в., а также связанные с ними вопросы взаимоотношений общества с иноверцами, изучены крайне слабо. Анализ научной литературы демонстрирует практически полное отсутствие *специальных* работ по данной теме. Исследование вопросов исторического развития церковных взаимосвязей и конфессиональных отношений между россиянами и выходцами из стран Западной Европы остается весьма перспективным направлением современных научных поисков. Более того, при всем обилии публикаций, посвященных истории отдельных конфессий и общин, ни в нашей стране, ни за рубежом до сих пор так и не был создан обобщающий труд по истории западных исповеданий в России XVIII столетия. Восемнадцатый век как важнейший этап истории развития православно-иноверческих взаимосвязей до сих пор оставался за пределами специального научного исследования. Существующие работы либо обладают слишком широкими хронологическими и тематическими границами, не позволяющими их авторам системно рассматривать указанные проблемы в пределах XVIII в., либо сосредоточены на очень узких, локальных аспектах истории католиков и протестантов в России, преимущественно в XIX–XX вв. К этому следует добавить методологическую ограниченность большинства исследований, слабую проработку архивных фондов. Все это обусловило необходимость создания специального труда, посвященного изучению связей русского общества с западными направлениями в христианстве в XVIII в.

Цель исследования заключается в воссоздании максимально достоверной и целостной картины взаимоотношений русского общества XVIII в. с западно-христианскими церквями, его взаимосвязей с западноевропейскими вероисповеданиями, выявлении степени влияния традиций и ценностей католицизма и протестантизма на формирование духовного облика общества в период интенсивной европеизации. В связи с поставленной целью основные исследовательские **задачи** сводятся к необходимости:

- проанализировать процессы распространения католицизма и протестантизма в их сравнительном отношении, выявить особенности формирования институтов Римско-католической церкви и протестантских объединений в России;
- систематизировать данные о численности и географическом размещении католических и протестантских общин в России, их духовенстве, материальных и социальных возможностях;
- изучить российское законодательство XVIII в. в отношении западных христианских конфессий и церквей, определить характер политической практики властей в вопросах, связанных с пребыванием в стране католиков и протестантов;

– выяснить правовой статус и правовые основы социокультурной деятельности религиозных объединений западных христиан в контексте особенностей юридического положения Римско-католической церкви и протестантских структур в России;

– определить основные сферы, а также способы религиозного, социального и культурного взаимодействия католической церкви и протестантских общин с подданными Российского государства, проследить динамику взаимоотношений русского общества с представителями западноевропейских религиозных традиций в течение XVIII в.;

– дать характеристику восприятия западноевропейских вероисповеданий различными социальными и конфессиональными группами русского общества, определить их отношение к католической и протестантской культурам;

– выявить формы и характер конфессионального воздействия западно-христианских церквей на православных россиян, попытаться оценить влияние католицизма и протестантизма на общество в России XVIII в. в целом.

Источниковая база исследования. Исследование построено на анализе комплекса многочисленных и разнородных источников, значительная часть которых сосредоточена в архивных фондах.

Важнейшей формой источникового материала явились в работе *законодательные акты и нормативно-правовые документы* различных органов законодательной и исполнительной власти Российской империи в XVIII в. – именные указы, манифесты, резолюции на ведомственные доклады, жалованные грамоты практически всех монархов, правивших в исследуемый период, а также сенатские указы и постановления, распоряжения и указы Святейшего Синода. Подавляющая часть данных материалов содержится в «Полном собрании законов Российской империи»⁶², отдельных сборниках законодательных актов⁶³ и в архивных делах. К особо важным документам данной группы источников следует отнести «Манифест» Петра I от 16 апреля 1702 г., предоставивший конфессиональную свободу иностранцам, живущим в России; «Указ об отступающих в иную веру» 1722 г., запретивший переходы российских подданных из православия в другие вероисповедания; манифест Анны Иоанновны 1735 г. о разрешении свободного христианского богослужения; жалованную грамоту и регламент Екатерины II, предоставленные в 1769 г. Санкт-Петербургской католической церкви и устанавливавшие порядок функционирования институтов Римско-католической церкви на территории империи; указы Екатерины II об учреждении Белорусской Римско-католической епархии и др.

Не менее важную группу источников составляют *материалы делопроизводства* ряда центральных государственных учреждений, выступающие главной до-

⁶² ПСЗ Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 4–26. В диссертации задействовано около сотни опубликованных в данном издании законодательных актов.

⁶³ Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1987. – Т. 5; Законодательство Петра I / под ред. В.М. Клеандровой, Б.В. Колобова и др. – М., 1997; Законодательство Екатерины II. – М., 2000. – Т. 1; Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. – М., 2006.

кументальной основой исследования. Среди них в первую очередь следует отметить делопроизводственные документы органов управления РПЦ и другими христианскими церквями в России. В диссертации широко использовались материалы соответствующих фондов Российского государственного исторического архива (РГИА): Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода (Ф.796), Департамента духовных дел иностранных исповеданий (Ф.821), Римско-католической духовной коллегии МВД (Ф.822), Канцелярии митрополитов греко-униатских церквей (Ф.823) и Канцелярии митрополита Римско-католических церквей в России (Ф.826). В докладах, рапортах и «промемориях» указанных ведомств вышестоящим или равным по статусу инстанциям, в протоколах заседаний специальных комиссий, в решениях и указах по конкретным вопросам содержится обширная информация об отношении россиян к католицизму и протестантизму в XVIII в., о взаимосвязях пасторов и пасторов с российскими подданными, о жизнедеятельности иноверных общин, о позиции по отношению к ним властей и общества. Огромное значение для исследования имеет делопроизводственная документация Канцелярии Синода, содержащая данные о переходах православных в католичество, браках с иноверцами, религиозном общении с католиками и протестантами. Часть синодских материалов хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде «Духовное ведомство» (Ф.18), документы которого также привлечены к работе.

При изучении взаимоотношений западных христиан с органами государственной власти в рамках XVIII в. незаменимыми являются документы текущего делопроизводства Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел (РГАДА. Ф.284), осуществлявшей внутреннее управление протестантскими и католическими общинами в России. Коллежские документы обрисовывают сферы компетенции целого ряда органов государственной власти, производивших надзор за иноверцами, – самой Юстиц-коллегии лифляндских дел, Святейшего Синода, коллегии иностранных дел, военной коллегии. В документах фонда содержится информация о местоположении католических и протестантских общин, процессах кирпичного и костельного строительства, о внутреннем распорядке в приходах, развитии церковных школ, определении к общинам пасторов и учителей, данные биографического характера об иноверных церковнослужителях. Поскольку коллегия регулировала споры и конфликты, возникающие в церковных правоотношениях, в ее канцелярии сосредоточено большое число жалоб прихожан на своих пасторов, а также исков со стороны духовенства. Часть дел посвящена проблемам взаимодействия протестантов с православными – в основном, сотрудничеству в социальной и административной сферах, реже конфликтам на конфессиональной почве.

Большое значение для исследования политической деятельности неправославного духовенства (в т.ч. и прозелитизма, воспринимаемого в XVIII в. в качестве одного из видов «подрывной» антигосударственной работы) имеют судебные дела, решавшиеся в Тайной канцелярии. К фондам Тайной канцелярии и Преображенского приказа (РГАДА. Ф.7, 146) исследователи истории католицизма и протестантизма в России вообще не обращались, специалисты же по

политической истории мало интересовались деятельностью иноверных «пресвитеров». Между тем материалы Преображенского приказа, Тайной канцелярии и Тайной экспедиции Сената содержат важные сведения о служивших в России ксендзах и пасторах, их прозелитической работе, шпионаже в пользу иностранных дворов, «крамольных» проповедях, нарушениях закона. Документы из архивов сыскных ведомств, содержащие информацию о «папистах» и «лютерах», в подавляющей своей массе впервые вводятся в научный оборот в настоящей диссертации.

К работе были привлечены материалы Посольского приказа, Посольской канцелярии и Иностранной коллегии, сосредоточенные в РГАДА в фондах «Духовные дела иностранных исповеданий» (Ф.152), «Приказные дела новых лет» (Ф.158), «Коллегия иностранных дел. Внутренние дела» (Ф.169). Часть материалов фонда «Духовные дела иностранных исповеданий» (в основном, за XVII в.) опубликована и используется в диссертации по изданным сборникам документов и приложениям в работах Д.В. Цветаева и Д.А. Толстого⁶⁴. Данный тематический архив (Ф.152) имеет крайние даты 1629 и 1733 гг. и хорошо проработан историками в сегменте делопроизводства XVII столетия; однако массив документов, датируемых вторым и третьим десятилетиями XVIII в., до сих пор мало изучен специалистами. В нем в большом количестве представлены статистические материалы об иноверных церквях и общинах, протоколы допросов вновь прибывших в страну ксендзов и пасторов, копии выданных им подорожных, позволяющие выявить географию размещения общин, отчеты о деятельности иностранного духовенства, выписки из законодательных актов России и других держав по вероисповедным вопросам.

Подавляющая часть документов коллегии иностранных дел, посвященная пребыванию в стране иноверцев, сосредоточена в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в фонде «Духовные дела иностранных исповеданий» (Ф.10). Фактически фонд является продолжением тематической подборки документов Посольского приказа с аналогичным названием в РГАДА и включает в себя коллежские дела с 1720 по 1804 г., которые часто содержат в себе копии более ранних дел. Отметим принципиальный факт: документы АВПРИ совершенно не изучены специалистами по истории западно-христианских церквей в России. Большая часть использованных в диссертации коллежских дел введена в научный оборот впервые. Материалы делопроизводства коллегии состоят из донесений римских супериоров, лютеранских суперинтендентов, пасторов разных конфессий о жизни вверенных им церковных общин; справок и запросов различных государственных ведомств об иноверных приходах; деловой переписки коллегии по проблемам жизнедеятельности неправославных христиан с Синодом, Юстиц-коллегией лифляндских дел, прочими коллегиями и канцеляриями; докладов в иностранную коллегия по тем же проблемам от губернаторов и военных начальников. В делах фонда содержится большое число синодских указов и распоряжений

⁶⁴ Цветаев Д.В. Памятники к истории протестантства в России. – М., 1888. – Т. 1; Он же. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII вв. – М., 1886. – С. III–LIX; Толстой Д.А. Римский католицизм в России – СПб., 1876. – Т. 1. Приложения. – С. 350–411.

относительно католиков и протестантов, их взаимоотношений с православными, справок по запросу Синода, Сената, Тайной канцелярии, допросных речей патеров и пасторов, подготовительных материалов для судебных разбирательств с участием иноверцев, в том числе и по обвинению в прозелитизме. Много информации находим о внутренней жизни приходов. Безусловную ценность имеют письма иностранных церковнослужителей и другие документы, содержащие биографическую информацию. В фонде представлена дипломатическая документация – послания иностранных епископов, переписка иноземных министров и посланников со своими дворами. Некоторые дела о приезде в Россию и выезде за ее пределы иноверных духовных лиц, строительстве неправославных церквей, а также дипломатические документы, проясняющие ход переговоров по конфессиональным вопросам с европейскими государствами, имеются и в других фондах архива коллегии иностранных дел. В частности, к работе привлечены документы фонда «Приказные дела новых лет» (АВПРИ. Ф.15) и связки материалов, возникших в результате сношений КИД с Юстиц-коллегией лифляндских, эстляндских и финляндских дел, хранящиеся в фонде «Внутренние коллежские дела» (АВПРИ. Ф.2).

В ходе научно-исследовательской работы были изучены копии архивных документов из личных собраний историков, ранее обращавшихся к проблемам жизнедеятельности неправославных христиан в России. Наиболее ценные источники сосредоточены в архиве крупного дореволюционного исследователя Д.В. Цветаева (РГАДА. Ф.364), а также именных фондах П.М. Майкова и К.С. Сербиновича (РГИА. Ф.1646 и 1661). К работе привлекались дипломатические документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Обращение к истории протестантов Урала и Западной Сибири, изучение их специфического церковного устройства на горнозаводской территории и процессов взаимоотношений с местным населением, потребовало основательной проработки документов фонда «Уральское горное управление» Государственного архива Свердловской области (Ф.24).

Немалым информативным потенциалом при разработке темы обладают опубликованные сборники делопроизводственных материалов – изданные архивы крупных государственных деятелей⁶⁵, отдельных учреждений⁶⁶, своды дипломатических актов⁶⁷. К работе привлечены многочисленные публикации отдельных документов, осуществленные в периодических изданиях «Русский архив» и «Русская старина». К этой же группе источников примыкает деловая, официальная переписка дипломатических представителей в России, служебная корреспонденция римских духовных лиц с начальниками, супериорами и провинциалами, донесения миссионеров в Ватикан. Подобные документы отражают взгляд на проблемы взаимоотношений россиян с «латинянами» со стороны самих представителей

⁶⁵ Архив кн. Ф.А. Куракина. – СПб., 1891. – Кн. 2–3; Архив кн. Воронцова. – М., 1872–1873. – Кн. 4–6.

⁶⁶ Архив государственного совета. – СПб., 1869. – Т. 1. – Ч. 2; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. – СПб., 1869–1906. – Т. 1–5, 10, 16.

⁶⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. – М., 1822. – Ч. 3.

Римской церкви, а также со стороны европейских наблюдателей, что очень важно для объективного и всестороннего рассмотрения поставленных вопросов. В работе использовались как опубликованные материалы из этой группы источников, так и неопубликованные документы, хранящиеся в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (РНБ)⁶⁸. Наиболее ценными источниковыми комплексами, широко используемыми в работе, явились материалы переписки испанских дипломатических представителей в России с мадридским двором, официальные бумаги по вопросам дипломатических связей России из личной канцелярии Петра Великого, донесения московских иезуитов⁶⁹. Невозможно переоценить значение писем, донесений и деловых бумаг католических духовных лиц и официальных представителей папского престола в России, содержащихся в Ватиканском и Неаполитанском архивах и изданных на языке оригинала еще в XIX в. католическим священником, префектом ватиканских архивов А. Тейнером и известным русским историком А.И. Тургеневым⁷⁰.

Массу сведений о западно-христианских вероисповеданиях в России содержат *документы личного происхождения*, имеющие форму путевых журналов, неофициальных докладов, дневниковых заметок и мемуаров. Авторами таких сочинений нередко выступали сами иностранцы, католики и протестанты, служившие в России или посетившие ее в конце XVII – начале XIX вв., – иезуит И. Давид, аббат Ж.-Ф. Жоржель, австрийский резидент О. Плейер, секретарь прусского посольства И.Г. Фоккеродт, квакер С. Греллэ-де-Мобилье и др.⁷¹ Разнородная информация о взаимосвязях российских правительства и общества с западными церквями содержится в сочинении Брауншвейг-люнебургского резидента Ф.-Х. Вебера «Преображенная Россия»⁷². Имеют большое значение сборники воспоминаний, дневниковых и путевых заметок иностранцев, изданные в переводе проф. Ю.Н. Беспых⁷³. Их авторы (Ф. Дэшвуд, П.Г. Брюс, К.Р. Берк, П. фон Хавен, Л.Ю. Эренмалм и др.) при характеристике русского быта самое пристальное внимание уделяли вопросам жизнедеятельности своих единоверцев в России. Не-

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 73 (Бильбасов В.А. и Краевский А.А.). № 208, 238, 239.

⁶⁹ Россия и Испания. Документы и материалы. – М., 1991. – Т. 1; Журнал или поденная записка блаженная и вечнодостойная памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. – СПб., 1772. – Ч. 2; Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. – СПб., 1904.

⁷⁰ Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. – Rome, 1859; Turgenev A.J. Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A.J. Turgenevio. – Petropolis, 1842. – Т. 2.

⁷¹ Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии // Вопросы истории. – 1968. – № 1. – С. 126–132; № 3. – С. 92–97; № 4. – С. 138–146; Жоржель Ж.-Ф. Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. – М., 1913; Плейер О.-А. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 г. // Лавры Полтавы. – М., 2001. – С. 397–413; Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом. – М., 1874; Дневник камер-юнкера Берхгольца. – М., 1860. – Ч. 2–4; Записки квакера о пребывании в России. 1818–1819. Дневник Греллэ-де-Мобилье // Рус. старина. – 1874. – Т. 9. – № 1. – С. 1–36.

⁷² Das veränderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist-und Weltlichen Regiments, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser, der wahre Zustand der Russischen Finantzen. – Franckfurth und Leipzig, 1738. – Th. 1; Des veränderten Russlandes Zweyter Theil. – Hannover, 1738.

⁷³ Беспых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. – Л., 1991; Беспых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. – СПб., 1997.

маловажными источниками выступили дневники и записки лиц, имевших прямое отношение к деятельности иноверных церквей в России, – сочинения одного из главных покровителей католичества П. Гордона, пасторов Г. Седерберга и Х.К. Теге, председателя Юстиц-коллегии лифляндских дел К.-Г. Гейкинга, испанского посланника Х. де Лириа, первого католического митрополита России С. Сестренцевича, старосты петербургских реформатов И. Позье и др.⁷⁴ Разумеется, процессы восприятия западно-христианских конфессий российским обществом невозможно изучать без привлечения к работе воспоминаний и дневников самих россиян. В диссертации задействованы десятки такого рода памятников, отразивших характерные черты социального и религиозного взаимодействия русских с иноверцами, – записки А.А. Матвеева, И.А. Желябужского, А.В. Храповицкого, Г.Р. Державина, Г.С. Винского, мемуары кальвиниста Ф.Г. Головкина, католички В.Н. Головиной и др.⁷⁵ Используются малоизвестные широкому кругу публикации: дневник П.Д. Апостола, демонстрирующий связи петербургского бомонда с католиками и реформатами⁷⁶; мемуары чиновников Г.И. Добрынина и П.С. Батурина⁷⁷, раскрывающие суть православно-католических отношений в западных российских губерниях; «Записки путешественника в Сарепту» А.В. Салтыкова, где автор подробно останавливается на описании нравов и обычаев гернгутеров⁷⁸; воспоминания А.М. Тургенева, сенатора П.С. Рунича, кн. П.В. Долгорукова и др. лиц⁷⁹, фиксировавших различные ситуации межконфессионального общения. Особо ценную информацию содержит неопубликованное мемуарное сочинение И.И. Шувалова «Общественная и частная жизнь в царствование Елизаветы, Петра III и Екатерины II», в котором наряду с освещением событий придворной жизни

⁷⁴ *Tagebuch des generals Patrick Gordon.* – SPb., 1852. – Bd. 2–3; Гордон П. Дневник, 1684–1689. – М., 2009; Бывшего полкового священника магистра Генриха Седерберга заметки о религии и нравах русского народа во время пребывания его в России с 1709 по 1718 год // ЧОИДР. – 1873. – Кн. 2. – С. 1–38; Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. – М., 2001; Гейкинг К.-Г. Император Павел и его время. Записки курляндского дворянина. 1796–1801 // Рус. старина. – 1887. – Т. 56. – № 11–12. – С. 365–394, 783–815; Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского. – СПб., 1845; Сестренцевич-Богущ С. Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. – СПб., 1913. – Ч. 1; Записки придворного брильянтика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 г. // Рус. старина. – 1870. – Т. 1. – № 1. – С. 42–127; № 2. – С. 77–103; № 3. – С. 197–244; К истории Семилетней войны. Записки пастора Теге // Рус. архив. – 1864. – Вып. 11–12. – Стб. 1101–1163.

⁷⁵ Записки русских людей. События Петра Великого. – СПб., 1841; Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. – М., 1990; Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Сочинения. – СПб., 1871. – Т. 6; Записки Г.С. Винского // Рус. архив. – 1877. – Вып. 1–2; Головкин Ф.Г. Двор в царствование Павла I. – М., 1912; Головина В.Н. Мемуары. – М., 2005.

⁷⁶ Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725 г. – май 1727 г.) // Киевская старина. – Киев, 1895. – Т. 50. – № 7–8. – С. 100–155.

⁷⁷ Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная. 1752–1823 // Русская старина. – 1871. – Т. 4. – С. 1–38, 97–153, 177–222, 305–372; Батуриин П.С. Жизнь и похождения Г.С.С.Б. Повесть справедливая, писанная им самим // Голос минувшего. – 1918. – № 7/9. – С. 99–132.

⁷⁸ Записки путешественника в Сарепту (Журнал графа С-ва) // Памятник отечественных муз. – СПб., 1827. – С. 47–80.

⁷⁹ Тургенев А.М. Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772–1863 // Рус. старина. – 1885. – Т. 48. – № 12. – С. 473–486; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте // Рус. старина. – 1870. – Т. 2. – № 3. – С. 211–253; Записки кн. Петра Долгорукова. – СПб., 2007.

второй половины XVIII в. повествуется о возникновении католических симпатий в среде русской аристократии⁸⁰.

Близкой к мемуарной литературе является такой комплекс источников личного происхождения, как частная переписка. Из произведений эпистолярного жанра, анализируемых в исследовании, следует отметить переписку П. Гордона со служителями Римской церкви и русскими дворянами, а также письма таких крупных деятелей науки и культуры, как Ф. Прокопович, А.Д. Кантемир, В.Н. Татищев⁸¹. Массу подробностей о связях русской аристократии с французской эмиграцией (в том числе и с эмигрантским духовенством) содержат письма кн. Н.П. Голицыной («La princesse Moustache») из неопубликованного хозяйственного архива княжеского семейства⁸².

Еще одной группой источников, привлеченных к исследованию, являются *статистические и топографические описания*, выполненные в XVIII в. отечественными учеными и публицистами (в т.ч. и немецкого происхождения) – И.Г. Георги, А.В. Гупелем, А.И. Богдановым, В.Г. Рубаном⁸³. Данные источники содержат количественную информацию о распространенности европейских религиозных традиций в России, сведения о размещении и численности католических и протестантских приходов.

Об отношении россиян к западным направлениям в христианстве, выраженном, в частности, общественным мнением, дают представление *материалы периодических изданий*. В ходе работы были проанализированы некоторые заметки и статьи из российских газет – таких, как «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Незаменимыми для исследования процессов восприятия неправославных конфессий российским общественным сознанием являются также *политические и публицистические сочинения*. Многие из них отражают отношение современников к католицизму и протестантизму на более высоком, чем практическое восприятие, теоретическом уровне. К числу таких источников следует отнести направленную против «западного зловерия» публицистику И.Т. Посошкова⁸⁴, «Духовную» и другие произведения В.Н. Татищева⁸⁵, ряд сочинений Феофана Прокоповича и Стефана Яворского⁸⁶, неопубликованный труд святителя

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 112.

⁸¹ Tagebuch des Generals Patrick Gordon. – Bd. 3. – S. 245–253; Прокопович Ф. Письма // Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. – М., 1994. – С. 186–196; Письмо князя Антиоха Кантемира к архиепископу Феофану Прокоповичу (21 декабря 1734 г.) // Рус. архив. – 1869. – Вып. 3. – С. 578–581; Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. – М., 1990.

⁸² ОР РГБ. Ф. 64 (Хоз. архив имения «Вязёмы» кн. Голицыных). Картон 84. № 20, 22, 31 и др.

⁸³ Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. – СПб., 1794; Hupel A.W. Die kirchliche Statistik von Russland nebst andern kürzern Aufsätzen. – Riga, 1786; Богданов А.И., Рубан В.Г. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год. – СПб., 1779; Рубан В.Г. Описание императорского столичного города Москвы. – СПб., 1782.

⁸⁴ Посошков И.Т. Завещание отеческое к сыну. – М., 1873; Он же. Зерцало очевидное. – Казань, 1905. – Т. 2

⁸⁵ Татищев В.Н. Духовная моему сыну. – СПб., 1896; Он же. Избранные произведения. – Л., 1979.

⁸⁶ Прокопович Ф. Примечания на книгу, изданную доминиканцем Бернардом Риберою... // ЧОИДР. – 1863. – Кн. 2. – С. 1–16; Прокопович Ф. Сочинения. – М.-Л., 1961; Сочинение Стефана Яворского «Апология или словесная оборона» по рукописи ГИМ // Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. – М., 2004. – С. 245–265.

Арсения Мацеевича «Возражения на пашквиль лютеранский, нареченный Молоток на книгу Камень веры»⁸⁷. Труды общественно-политической и одновременно религиозной направленности создавали и сами иноверные церковнослужители. Наиболее ценными из них являются «Достопримечательные известия» – полемическое сочинение белорусских иезуитов в форме писем⁸⁸, а также «Responsum Antapologeticum Ecclesiae Catholicae» доминиканца при испанском посольстве в России Б. Рибейры⁸⁹.

В ходе изучения процессов иноверного влияния на русское общество XVIII в., исследования проблем восприятия католичества и протестантизма на теоретическом уровне общественного сознания, широко использовались *философские сочинения, полемические богословские трактаты и статьи* ряда крупнейших церковных деятелей и ученых этого столетия – таких, как св. Димитрий Ростовский, Ф. Прокопович и С. Яворский⁹⁰. В работах данных авторов многие выводы и теоретические построения обусловлены глубоким богословским осмыслением ситуации иноверного присутствия в стране. В диссертации задействованы неопубликованные сборники против «латинян» и «люторов» XVII–XVIII вв.⁹¹, «Рожнец духовный» П.А. Олисова⁹². К этой же группе источников можно отнести произведения некоторых старообрядческих идеологов⁹³, наиболее значимым среди которых является «Вопросоответное разглагольство верою латынянина брегадира Беэра з завоцким жителем Украинцовым», написанное в 1745 г. Г.С. Украинцевым (Митрофановых)⁹⁴.

Изучение проблем отношения к западным конфессиям в массовом народном сознании не могло обойтись также без привлечения к исследованию *этнолингвистических и фольклорных материалов*. Массу сведений об устоявшихся стереотипах восприятия католичества и протестантизма содержат этнолингвистические словари и фольклорные сборники⁹⁵.

⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 775 (Титов А.А.). № 31.

⁸⁸ Merkwürdige Nachrichten von den Jesuiten in Weissreussen. – Frankfurt und Leipzig, 1786.

⁸⁹ Ribera B. Responsum Antapologeticum Ecclesiae Catholicae ... – Viennae, 1731.

⁹⁰ Димитрий Ростовский, митр. Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их. – М., 1855; Яворский С. Камень веры, православным Церкви святыя сыном на утверждение и духовное созидание, претыкающимся же о камень претыкания и соблазна, на восстание и исправление. – СПб., 1839. – Ч. 2; Он же. Учение православной восточной кафолической церкви о благотворении преставлявшимся. – М., 1876; Он же. Знамена пришествия антихристового и кончины мира // Антихрист: из истории отечественной духовности. – М., 1995; Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах: Творения преосвященного Стефана Яворского. – М., 1999.

⁹¹ ОР РГБ. Ф. 256. № 467 и 567 (Сборники полемических православных сочинений XVIII в.); Ф. 354. № 182 (Сборник полемический против латинян сер. XVIII в.); Ф. 733. № 6 («О примирении церковей Великороссийския с церковию Римскою» втор. четверти XVIII в.).

⁹² ОР РГБ. Ф. 138 (Костромское собр.). № 318; Ф. 310 (Собр. Ундольского). № 1126.

⁹³ Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. – Новосибирск, 1999; Аввакум (протопоп). Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Архангельск, 1990; Денисов С. Виноград Российский, или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. – М., 1906.

⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 17 (Собр. Барсова). № 146 (список второй половины XIX в.).

⁹⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. 1–2; Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М., 1999. – Т. 1–5; Стихи духовные / Сост. Ф.М. Селиванов. – М., 1991.

Таким образом, источниковая база диссертационного исследования обладает достаточной репрезентативностью. Анализ всего комплекса разнообразных и многочисленных источников, использованных в работе, позволяет сделать вывод о том, что информация, содержащаяся в них, является прочной основой для системного изучения всех поставленных проблем и решения сформулированных задач.

Методологическую основу исследования составляют важнейшие принципы исторической науки – системность, объективность, детерминизм и историзм. Их использование обеспечило возможность анализа исторических явлений в процессе развития и взаимосвязи. Наряду с принципами и теориями исторической науки в диссертации нашли применение принципы анализа социокультурных сдвигов, разработанные социологами, антропологами и культурологами. В ходе изучения вопросов влияния западноевропейских форм религиозности на процессы актуализации в российской культуре XVIII в. религиозного опыта применялись также теоретические конструкции из области культурной и религиозной антропологии.

Теоретические основания работы связаны с теорией модернизации, позволяющей представить комплекс взаимоотношений русского общества с западно-христианскими церквями в системе социально-экономических и социокультурных детерминант. На базе концепций и теорий М. Вебера, Г. Терборна, Ф. Боррико, В.В. Алексеева, И.В. Побережникова⁹⁶ были определены главные методологические положения исследования, которые в сжатом виде можно сформулировать следующим образом. Модернизационные сдвиги в экономической, административной и социальной сферах обуславливают трансформацию религиозной культуры традиционного общества, выступают факторами смены парадигм межконфессионального и межкультурного сотрудничества. В модернизируемом социуме стратегия его развития во многом определяется исходя из конструирования и осознания обществом бинарных оппозиций: «традиции – современность», «неразвитость – развитость». Начиная с эпохи Петра Великого в российском общественном сознании особенную актуальность приобрели категории развития, прогресса и просвещения, нередко противопоставляемые традициям московского быта. Российский социум XVIII в. имел свой «бинарный код» модернизации, в котором существенную роль играла специфическая оппозиция «древнерусское – европейское». Петровские реформы подкреплялись идеологией разностороннего сотрудничества с иноверцами, зачастую шедшей вразрез с религиозными представлениями и этическими нормами Древней Руси, что придавало «бинарному коду»

⁹⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 61–208; Он же. О России: Избранное. – М., 2007; Он же. Социология религии (типы религиозных обществ) // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. – М., 1985. – С. 153–208; Therborn G. Entangled Modernities // European Journal of Social Theory. – London, 2003. – #6 (3). – P. 293–305; Therborn G. European Modernity and Beyond. The Trajectory of European Societies, 1945–2000. – London; New Delhi, 1995; Bourricaud F. Modernity, “Universal Reference” and the Process of modernization // Pattern of Modernity. – London, 1987. – V. 1. – P. 12–16; Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. – Екатеринбург, 1998. – С. 10–26; Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. / отв. ред. В.В. Алексеев. – М., 2000.

русской модернизации ощутимую религиозную окраску. Развитие межконфессиональных отношений в России XVIII столетия напрямую зависело от степени вовлеченности социальных групп и отдельных лиц в модернизационные процессы, от уровня осознания обществом европейских культурных (в том числе и религиозных) заимствований как явлений прогрессивных. В то же время реакция россиян на расширение присутствия в стране католицизма и протестантства приобретала характер лакмуса, выявляющего не только модернизационный потенциал России, но и индицирующего степень «современности» западноевропейских обществ.

Рассматривая протестантство как группу учений, выражающих «дух капитализма», «дух трудовой деятельности и прогресса»⁹⁷, характер восприятия протестантских конфессий русским обществом целесообразно поставить в зависимость от социально-психологической готовности общества к буржуазным преобразованиям и рецепции буржуазных форм культуры. Российская модернизация имела парциальный, незавершенный характер: отсутствие в российском социуме XVIII в. ощутимых духовных предпосылок к коренной капиталистической перестройке непосредственно отражалось на восприятии иноверных форм христианства и результатах религиозного влияния католиков и протестантов. В процессе складывания церковного сотрудничества с европейцами существенное значение имели колебания в выработке стратегии развития страны либо в сторону традиционализма, либо в сторону инноваций, описанные А.С. Ахиезером и положенные в основу современных представлений о цивилизационной специфике России и ее «расколотом обществе»⁹⁸.

Помимо отмеченных теорий, в диссертации нашли применение некоторые положения социологии знания и принципы «культурной истории». С опорой на теорию социального конструирования реальности, разработанную П. Бергером и Т. Лукманом, восприятие католицизма и протестантства русским обществом в диссертации рассматривается как сплав объективной и субъективной реальности, поддерживаемой окружением индивида («значимыми другими») и устойчивой социальной средой⁹⁹. Стереотипы восприятия западных форм христианства русским обществом в XVIII столетии анализируются как общественным образом конституированное знание, вплетенное в повседневную человеческую деятельность.

Интерпретация исторических явлений (в первую очередь особенностей восприятия россиянами иноверных форм христианства) осуществляется в работе с опорой на культурно-семиотический подход – историографическую парадигму, основательно разработанную отечественными учеными Б.А. Успенским, Ю.М. Лотманом, В.М. Живовым¹⁰⁰. С позиций данного подхода отношение русского

⁹⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – С. 68.

⁹⁸ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1997. – Т. 1; Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – М., 2008.

⁹⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – С. 52–60, 239–261.

¹⁰⁰ Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избранные труды. – М., 1994. – Т. 1. – С. 9–49; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и

общества XVIII в. к иноземной культуре понимается как процесс активной коммуникации между социумом и внешними силами – деятельностью иноверцев, культурными инновациями, правительственными инициативами. Раскодировать коммуникационное поле культуры позволяет проникновение в ее особый «язык» или совокупность «языков», понимаемых в широком семиотическом смысле. В России XVIII в. происходила смена «языков культуры»: европейские бытовые нововведения и секулярные тенденции превращались из примет западного «еретического мудрования» в символы наступления Нового времени, трактуемого либо как эра «просвещения», либо как царство антихриста. В соответствии с выводом Б.А. Успенского, полагающего, что «для описания языка историко-культурного ареала особенно показательны конфликтные, контраверсные ситуации, обусловленные столкновением разных языков по отношению к одной и той же действительности»¹⁰¹, в диссертации пристальное внимание уделяется конфликтам, возникающим на конфессиональной почве.

В работе широко применяется системный подход, опирающийся на общенаучную теорию систем. Подход дает возможность рассматривать процесс взаимоотношений русского общества с католиками и протестантами, а также с их церковными организациями, как разностороннее, сложноорганизованное явление. Среди специальных методов исторического познания, используемых в исследовании, необходимо выделить методы структурно-функционального и сравнительно-исторического анализа, историко-типологический, историко-генетический, классификационный, хронологический методы, метод синтеза научных данных. Из количественных методов в диссертации применен контент-анализ – метод, весьма востребованный российскими учеными в практике статистических обследований нарративных источников. В работе с источниковым материалом были задействованы также интерпретационные методы познания (типизирующий и индивидуализирующий методы интерпретации источников, метод структурного объяснения «герменевтического поля», разработанный французским мыслителем П. Рикёром). Таковы основные подходы и методы, нашедшие свое применение в диссертации. Ни один из них не является абсолютным и не претендует на универсальность. Для успешного решения поставленных задач они используются комплексно и в сочетании.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым специальным и комплексным исследованием проблем взаимоотношений русского общества с западно-христианскими вероисповеданиями и церквями в XVIII в. Работа представляет собой единственный опыт системного анализа исторических явлений, демонстрирующих то, как в традиционно православной стране в ходе европеизационных процессов общество реагировало на чужеродные вероисповедные принципы и религиозные ценности. В диссертации существенно расширена и дополнена статистическая информация об объединениях католиков и протес-

традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1996; Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. – М., 1996.

¹⁰¹ Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Успенский Б.А. Избранные труды. – М., 1994. – Т. 1. – С. 51.

тантов в России XVIII в., впервые систематизированы сведения о неправославных христианах всех без исключения регионов страны, уточнен конфессиональный, национальный и социальный состав религиозных объединений европейцев в столицах, Центральной России, Поволжье, на Урале и в Сибири, введены в научный оборот десятки новых имен пасторов и пасторов. Установлено, что правовой статус протестантских общин в России не был одинаков и зависел от способов их церковного устройства. Последние были более разнообразны, чем способы церковной организации католиков. Предпринятая типологизация протестантских общин, исходя из их правового положения, позволила выявить особый тип горнозаводских протестантских объединений, понятие о котором в науке до сегодняшнего дня отсутствовало. Анализ взаимосвязей русского общества с западно-христианскими церквями позволил сделать вывод о том, что трансформация национальной парадигмы межконфессиональных отношений, произошедшая в XVIII в., во многом обусловила появление идеологов «русского католицизма» и «русского протестантизма» в следующем, XIX столетии. Был обнаружен целый пласт русской культуры, возникший в результате религиозного взаимодействия православных с иноверцами. В значительной мере новизна диссертации определяется использованием междисциплинарных методов и подходов к исследованию. В ходе работы в научный оборот был введен обширный круг неизвестных ранее архивных источников и рукописных материалов.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы, полученные в ходе работы, могут быть использованы в исторических, культурологических и религиоведческих научных исследованиях, при написании обобщающих трудов по истории неправославных вероисповеданий в России, истории русского общества и его духовной культуры. Фактографический материал может быть задействован при составлении учебников и пособий, разработке лекционных курсов по всемирной истории религий и истории религий в России. На основании результатов исследования возможно уточнение некоторых параметров модернизационных процессов в России, анализируемых коррелятивно с духовным развитием общества. Выводы диссертации могут быть учтены при решении современных проблем межрелигиозных отношений, использованы в практической работе, направленной на снижение конфликтного потенциала поликонфессионального российского общества.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертации нашли отражение в монографии и статьях, опубликованных в ведущих академических периодических изданиях «Отечественная история» («Российская история»), «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», а также в сборниках научных трудов. Отдельные положения были представлены на научных конференциях, имевших статус всероссийских с международным участием, всероссийских, региональных.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав (включающих в себя 20 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрыта актуальность темы, охарактеризованы объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, определены цель и задачи, научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «Историография, источники и методологические основания исследования» дает представление об основных этапах развития историографии западно-христианских церквей и конфессий в России, степени изученности основных аспектов поднимаемой проблемы, круге привлеченных к решению задач источников. Здесь же рассмотрены теоретические основы исследования, используемые подходы и методы.

Во **второй главе «Распространение западно-христианских вероисповеданий и их церковная институционализация в России XVIII в.»** в качестве предыстории вопроса кратко освещены процессы расселения католиков и протестантов в допетровской Руси, затронута проблема традиционного отношения к ним общества и государства; проанализированы процессы становления церковных общин европейцев как главных элементов системы межконфессиональных связей в XVIII в., определены общественно-политические условия протекания данных процессов.

Установлено, что в допетровский период взаимоотношения русского общества с представителями западно-христианских вероисповеданий характеризовались обоюдной настороженностью и негативизмом. В XIV–XVII вв. в общественном сознании Московской Руси сформировалось мнение о римских католиках как «злейших врагах православия», что обуславливалось политическим и военным противостоянием русских княжеств с католическими государствами, а также утверждением новой идеологии «Москва – третий Рим», обосновавшей идею национально-религиозной исключительности русского народа. В то же время благодаря подчеркнутой гражданской лояльности лютеран и реформатов, их политическому нейтралитету, оппозиции папству и католическому вероучению, а также сравнительно меньшему стремлению к прозелитизму, правительство и общество в России несколько терпимее относились к протестантам, чем к католикам. В результате протестанты уже в XVI–XVII вв. смогли относительно успешно организовать свою церковно-религиозную жизнь, объединившись в общины и построив кирки в ряде городов (Москве, Нижнем Новгороде, Архангельске и др.). Условия же для исповедания католической веры в России вплоть до царствования Петра I оставались крайне неблагоприятными: публичное католическое богослужение и возведение костелов в России были строго запрещены. Тем не менее, допущение строительства кирок и разрешение протестантам группироваться в общины также не свидетельствовало о преодолении принципа конфессионального изоляционизма, свойственного Средневековой Руси. В допетровский период протестанты, равно как и католики, не были застрахованы от религиозных эксцессов со стороны «русской черни», от погромов и разрушений молельных домов. Несмотря на существовавшее, с перерывами, разрешение иностранным купцам приезжать в Московское государство со священниками, пребывание иностранных духовных

особ в России могло быть только временным. В результате конфессиональные связи русских людей с католиками и протестантами носили во многом случайный и поверхностный характер.

Задачи европеизации российского общества существенно изменили взгляд правящих кругов на проблему пребывания католиков в границах государства. Манифестом от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания» впервые была гарантирована свобода отправления любых неправославных обрядов. Указом от 12 декабря 1705 г. разрешалось возводить католические храмы и пользоваться услугами ксендзов. Реализация этих законодательных инициатив имела принципиальное значение, способствуя непрерывному распространению католического богослужения в стране. Число римских католиков в России в петровскую эпоху возросло от 40 человек (1691 г.) до 2 тыс. (1725 г.). Наиболее многочисленные католические приходы имелись в Петербурге и Москве – в царствование Петра Великого они насчитывали не менее 300 и 200 человек соответственно. Петербургский приход охватывал Кронштадт, Ригу, Ревель, Або, и окормлялся такими яркими представителями римского духовенства, как Патриций из Милана, Яков Деолегио, Аполлинарий, Петр Хризолог. В начале XVIII в. были возведены каменные костелы св. Петра и Павла и св. Троицы в Москве (объединенные в один приход); молельный дом, а затем и церковь, в Петербурге. В конце петровского правления в северной столице помимо костела действовала часовня для французских прихожан, а также активно проводились богослужения в частных домах. В первой четверти XVIII в. иностранцы-католики проживали и окормлялись в Азове, Туле, Казани, Архангельске, Астрахани, Таганроге, Воронеже и др. городах. В Астрахани католическая община настолько окрепла, что в 1721 г. в этом городе был построен второй по величине после московской церкви св. ап. Петра и Павла российский костел – храм Успения Богородицы. Год спустя был возведен небольшой «костелик» в украинском городе Нежине. При преемниках Петра Великого процесс распространения католического богослужения в России не только не прекратился, но еще более усилился: расширялись и перестраивались в камне уже существовавшие храмы, постепенно увеличивалось число верующих. Политические, династические и культурные связи России с западноевропейскими государствами настолько упрочились, что власть уже не могла быть абстрагированной от решения проблем иноверцев. Принцип свободы вероисповедания действовал во внутренней политике всех русских императоров и императриц, царствовавших в исследуемый период. Правительство нередко предоставляло римским церковнослужителям налоговые льготы, прямо или косвенно способствовало возведению костелов, если в том имелаась необходимость. Все это обусловило приток духовенства в страну: с опорой на архивные документы нам удалось установить имена и должности более ста католических духовных лиц, осуществлявших пастырскую деятельность в России с конца XVII в. по 1760-е гг.

Принцип конфессиональной свободы в полной мере воплотился во внутренней политике Екатерины II. Существенное влияние на попытки имперской администрации обеспечить религиозные права иностранцев оказали идеалы «Про-

священного абсолютизма» и представления о государстве как главном инструменте достижения общественного блага. В результате проведения в жизнь положений манифестов от 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г., объявивших о государственной поддержке иностранным колонистам, в Поволжье были образованы немецкие колонии, население которых включало в себя 8–10 тыс. католиков. При активном содействии государства колонисты практически сразу организовали приходскую жизнь. К началу XIX в. в поволжских колониях действовали 33 католических храма.

Иностранцы на русской службе, военные и гражданские специалисты, колонисты из Европы стали главным ядром католического населения страны до разделов Речи Посполитой. Среди знаменитых католиков, живших и трудившихся в России в данный период, отметим детей генерала Патрика Гордона Петра и Федора, генерал-аншефа И.-Б. Вейсбаха, контр-адмирала М. Змаевича, прославленных архитекторов Д. Трезини и Ж.-Б. Леблона, скульпторов К.-Б. Растрелли и Н. Пино, живописца Л. Каравака. Все они деятельно поддерживали единомышленников, а многие из них выполняли функции церковных старост и попечителей в столичных приходах.

При Екатерине II, вследствие приобретения польских территорий, численность римских католиков в России возросла от нескольких тысяч до четырех миллионов человек. С целью предупреждения оттока населения из новых западных провинций правительство было вынуждено пойти на создание собственной Римско-католической иерархии, не подчиненной Риму. В конце XVIII в. в России имелись шесть латинских диоцезий, около 700 церквей и 400 католических монастырей. Римская вера находила своих приверженцев не только в столицах и присоединенных от Польши землях, но также в центральной и северной России, в Поволжье, Новороссийском крае, Крыму и Закавказье. В русских губерниях проживало примерно 30 тыс. римских католиков. Все это создавало важнейшие предпосылки для активизации пастырской работы Римско-католической церкви, способствовало расширению культурных связей православных и католических подданных империи. В целом, политика российского правительства способствовала созданию благоприятных условий для исповедания католического культа иностранцами. В результате идеологической и материальной поддержки, оказанной правительством «Обществу Иисуса» (в царствование Екатерины II и Павла I) и Мальтийскому ордену (при Павле I), а также вследствие оформления российской католической иерархии, позиции римской религии в России значительно укрепились. Улучшилось также материальное благосостояние латинских приходов и духовенства.

История становления и развития протестантских общин в России еще теснее связана с процессами культурного и административного строительства, социально-экономического и политического развития империи в XVIII в. В этих процессах была задействована масса протестантов, поскольку их опыт в первую очередь оказался востребованным в условиях европеизации страны. Будучи хорошо интегрированными в состав русского общества, протестанты, тем не менее, с трудом поддавались православизации и целенаправленно развивали собственные приход-

ские структуры. В начале XVIII в. в стране проживало до 30 тыс. протестантов. В Москве действовали построенные еще в конце XVII столетия каменные лютеранские кирки св. Михаила и св. апостолов Петра и Павла, а также реформатская кирка. Их прихожане, в основном, принадлежали к торгово-ремесленному населению, офицерству и чиновничеству. Многие служители московских кирок – лютеранские пасторы Б. Фагециус, Э. Фрайхольд, У. Ролофф, И. Нойбауэр, реформатские проповедники Л. Штумпф, Луи л'Анфан и др. – успешно транслировали традиции своего вероисповедания в новых поколениях прихожан и способствовали повышению авторитета духовной жизни протестантов среди россиян. Не меньшим религиозным рвением обладали и протестантские проповедники Петербурга, занимавшиеся не только пастырской, но также педагогической, научной и просветительской работой (В. Толле, Я. Майделин, А.Ф. Бюшинг, И.Х. Грот, Т. Консетт и др.). В течение XVIII в. в Петербурге сформировались три немецких лютеранских общины (св. Петра, св. Анны и св. Екатерины), шведская лютеранская община, финская лютеранская, две разнорациональные лютеранские общины при кадетских корпусах (сухопутном шляхетском и артиллерийском), голландская реформатская, немецкая и французская реформатские (объединенные в один приход), англиканская и общество гернгутеров. Немалое значение в развитии упомянутых церковных объединений имело заступничество за интересы единоверцев таких крупных военных, государственных деятелей и ученых протестантского вероисповедания, как К. Крюйс, Э.И. Бирон, Б.Х. Миних, А.И. Остерман, Я.В. Брюс, Л. Эйлер. Кроме общин и кирок в самом Петербурге, в XVIII в. действовало несколько десятков лютеранских приходов в окрестностях города и Петербургской губернии.

Образование многих лютеранских общин в провинциальных городах России было связано с пребыванием в них шведских военнопленных во время Северной войны. География их размещения охватила практически все регионы: пленные содержались в Новгороде, Владимире, Суздале, Переславле-Залесском, Зарайске, Кашире, Калуге, Клин, Серпухове, Коломне, Воскресенске, Костроме, Галиче, Чухломе, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Свияжске, Чебоксарах, Саранске, Вологде, Тотьме, Сольвычегодске, Архангельске, Соликамске и др. городах. Крупные партии пленных были сосредоточены также в городах Урала и Сибири. В отдельных случаях, несмотря на тяжелое материальное положение и неблагоприятные социальные условия, пленные шведы были в состоянии не только создать общину, но и инициировать собственное церковное строительство. Однако большее значение в процессе складывания провинциальных лютеранских общин сыграл фактор европеизации страны, нежели фактор Северной войны. Как известно, России были необходимы специалисты из Европы – горные инженеры, кадровые военные, опытные чиновники-управленцы. Именно они стали социальной основой большинства лютеранских общин в России в середине – второй половине столетия.

Поворотным моментом в судьбе российских лютеран, сосредоточенных в провинции, стал день 6 ноября 1767 г., когда Екатерина II подписала указ об определении дивизионных проповедников к крупнейшим гарнизонам и корпусам.

Такие проповедники назначались военной коллегией и находились на полном содержании казны, что существенно отличало устройство гарнизонных общин от общин ремесленников, торговцев и колонистов. В результате возникли новые лютеранские общины и развернулось кирпичное строительство в Киеве, Полтаве, Севске, Смоленске, Казани, Оренбурге, Тобольске, Омске и Иркутске. Вместе с дивизионными проповедниками на казенном жалованье находились также лютеранские пасторы горнозаводских общин на Урале и в Сибири. Такие общины, возникшие в Екатеринбурге, Перми, Барнауле и Томске, подчинялись Берг-коллегии и заводским канцеляриям, представляя собой особый тип протестантских объединений России. На примере становления евангелическо-лютеранской общины Екатеринбурга, появившейся с самого основания завода и города-крепости, т.е. с 1723 г., можно выявить специфический характер их генезиса: горная администрация дорожила иностранными специалистами, создавала все необходимые условия для успешной пастырской и педагогической работы лютеранских проповедников, выплачивала им весьма высокое, по сравнению даже со столичными пасторскими доходами, жалованье, однако часто вмешивалась во внутреннюю жизнь прихожан.

Во второй половине XVIII в. организационно оформились лютеранские общества в Пскове, Нижнем Новгороде и Ярославле; продолжали развиваться лютеранский и реформатский приходы в Архангельске. Крупные кальвинистские общины имелись также на Украине и в бывших польских землях. Благодаря колониальным процессам в период с конца 1760-х гг. и до конца века общее число протестантов увеличилось не менее чем на 150 тыс. чел., расширился спектр протестантских конфессий в России. В ряде регионов распространялись европейские сектантские учения, возникшие на базе протестантизма, – гернгутерство (в столицах и нижнем Поволжье), меннонитство (в Новороссии и Оренбургской губернии). Возможно, к англиканской общине Петербурга, а также реформатским приходам Москвы и Архангельска, тяготели отдельные представители пресвитерианства и пуритане.

Таким образом, в связи с европеизационными процессами западно-христианские конфессии заняли прочное положение в религиозной жизни России XVIII в. В этот период многие религиозные объединения российских иноверцев прошли путь от небольших общин до крупнейших центров европейской культуры, выступавших не только средоточиями католической и протестантской духовности, но и европейского образования. Тем не менее, по численности (во внутренних российских губерниях, исключая бывшие польские владения) и широте географического охвата среди всех западных вероисповеданий преобладало лютеранство, взаимодействие с представителями которого у русского населения было более тесным во всех без исключения регионах страны. В XVIII в., когда на Урале и в Сибири церковная институционализация католиков практически еще не начиналась, лютеране имели уже развитые приходы. К концу века в России проживало не менее 200 тыс. протестантов, вместе с Прибалтикой – не менее 1 млн. Становление иноверных приходов и общин имело свои сложности материального и правового порядка, однако правительство, заинтересованное в труде иноземцев, создавало последним благо-

приятные условия для организации культа, что обуславливало непрерывное развитие конфессиональных объединений европейцев. При этом продолжала существовать обоюдная конфессиональная отчужденность между католиками и протестантами, с одной стороны, и православными – с другой, которая, тем не менее, не препятствовала бытовому, а в каких-то случаях даже религиозному общению между ними. Возможность трансляции европейцами в русском обществе своих духовных ценностей в XVIII столетии существенно возросла, чему немало способствовало повышение социального статуса инославных христиан и их материального потенциала.

Третья глава «Правовые основы деятельности западно-христианских церквей и регулирования межконфессиональных отношений в России XVIII в.» посвящена исследованию правового статуса западно-христианских церквей, объединений католиков и протестантов, процессов государственного управления иноверческими организациями, регламентации их церковной и педагогической деятельности, а также изучению юридических аспектов межконфессиональных отношений.

Деятельность западных церквей и их прихожан в России первоначально регулировалась целым рядом правительственных учреждений, что делало правовое положение иноверных христиан не совсем определенным. До учреждения коллегий и Святейшего Синода деятельность неправославного духовенства и жизнь иноверных общин контролировал Посольский приказ. Судебные разбирательства в среде иноверцев производились также в Иноземном приказе, а разрешение на строительство церквей и выделение служебных помещений могли давать Земский, Аптекарский и различные военные приказы, что объективно затрудняло контроль за внутренней церковной и религиозной жизнью иноверцев и статистический учет их «мольбищ» и киров. Управление конфессиональными делами служилых иноземцев осуществлялось при участии Земского и Пушкарского приказов, а дела об их крещении в православие велись Посольским приказом совместно с Патриаршим разрядом. С начала 20-х гг. XVIII в. неправославные христианские исповедания (католичество и протестантизм) находились в ведении Святейшего Синода, который определял к общинам священников, приводил их к присяге, увольнял от места с вручением специального «отпуска», санкционировал церковное строительство. Многие вопросы решались духовной коллегией совместно с другими учреждениями – юстиц-коллегий, иностранной коллегией. Сотрудничество этих органов в решении проблем жизнедеятельности иноверцев продолжалось вплоть до губернской реформы Екатерины II, поэтому нельзя признать справедливым мнение об «эстафетном» характере управления иностранными исповеданиями в России, т.е. о последовательной передаче полномочий от органа к органу.

Попытки установления отдельного управления неправославными церквями и конфессиями в России были связаны с учреждением Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел (образованной в 1719 г. или, по другой версии, в 1727 г.). Юстиц-коллегия ведала внутренними делами католической и протестантских церквей в России и подчинялась напрямую Правительствующему Сенату. Новый

институт власти был призван регулировать споры и конфликты, возникающие в церковных правоотношениях, утверждал к приходам священников (чаще пасторов, чем ксендзов), инициировал добровольные сборы средств на нужды приходов. Собственно конфессиональные вопросы в данном органе стали рассматриваться только с 1730-х гг., а специализироваться по консисториальным делам иноверцев он начал лишь в Екатерининскую эпоху. Тем не менее, создание Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских (с 1762 г. – и финляндских) дел не уронило значения Святейшего Синода в процессе управления западными христианами, особенно католиками. Вопросы переходов иноверцев в православие или православных в другую веру, воспитания детей в смешанных браках и заключение самих этих браков еще долгое время оставались в компетенции Синода. Вопросы приезда священников по-прежнему решала коллегия иностранных дел вместе с духовной коллегией.

Способы управления католическими приходами и общинами в течение XVIII в. ощутимо менялись. До образования иерархических структур Римско-католической церкви централизованное управление российскими католиками было затруднено по причине слабой согласованности действий конгрегации пропаганды веры, орденов администраций и российского правительства. Отсутствие юридически оформленных правил внутренней организации католиков способствовало возникновению противоречий среди клира, а нередко и обострению отношений между духовенством и мирянами, что осложняло пастырскую работу. Так, соперничество часто возникало между московским и ингерманландским супериорами. Только при Екатерине II католическая церковь впервые обрела четкий административный статус, получила проработанную юридическую базу для своей церковной и социальной деятельности и была окончательно подчинена государству. Правовое положение католической церкви в России в продолжение всего XVIII в. демонстрировало ее прямую зависимость от самодержавия и государственной администрации в ущерб власти папской курии, однако учреждение российского латинского епископата (Могилевского епископства в 1774 г.), а затем митрополии (в 1798 г.), ознаменовало собой начало инкорпорации католических церковно-административных структур в состав имперского государственного аппарата. В условиях полной подчиненности Римской церкви в России государству сравнительно легко можно было ограничивать ее политическую, религиозную и иную деятельность. Тем не менее, законодательство гарантировало веротерпимость в отношении католиков и протестантов, обеспечивая стабильное существование и развитие латинских и др. приходов. Ограничения деятельности католической церкви были вызваны боязнью усиления авторитета папства и ослабления светской власти в России, поскольку папа Римский в сознании католиков всегда, несмотря на подчиненность католической иерархии государству, оставался Божественным наместником. Неслучайно верховная власть в России расценивала миссионерские усилия патеров как политическую антигосударственную деятельность и, напротив, в политических интригах католиков часто усматривала религиозный подтекст.

Анализ процессов жизнедеятельности и практики взаимодействия российских протестантов с органами государственной власти показывает, что протестантские церковные структуры в продолжение XVIII столетия также становились все более зависимыми от распоряжений российского правительства. Данная зависимость проявлялась не только во внешнем контроле государства за деятельностью общин, но и в успешных попытках регламентации их внутреннего быта и религиозной жизни. Вмешательство государства во внутреннее устройство протестантских приходов обуславливалось особым правовым положением последних, подразумевавшим их подчиненность ряду учреждений – Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, Канцелярии опекунов иностранных, Берг-коллегии, военной коллегии и др. Степень контроля за внутриконтрессиональными аспектами жизнедеятельности общин не была одинаковой: общины обеих столиц, сформировавшиеся без прямого участия государственной власти, обладали большей самостоятельностью в решении внутренних церковных вопросов (хотя регулятивные полномочия Юстиц-коллегии не только на них распространялись, но и постепенно расширялись), однако приходы колонистские, и особенно гарнизонные и горнозаводские были поставлены в прямое подчинение ведомственных учреждений. Вместе с тем единая система централизованного церковного управления российскими протестантами, несмотря на многократные попытки, в XVIII в. так и не была создана. Римско-католическая церковь получила свое иерархическое оформление гораздо раньше, чем Евангелическо-лютеранская или иные церкви, – уже в 70-е гг. XVIII столетия, что способствовало большей централизации управления католическими приходами и установлению тщательного контроля над деятельностью латинского духовенства. Однако на практике, несмотря на отсутствие специального органа церковного управления российскими протестантами и единого церковного Устава, административный надзор за деятельностью протестантских общин к концу столетия был не меньшим. Тот факт, что объединения протестантов, как правило, не воспринимались правительством в качестве политических организаций, могущих нанести ущерб самодержавной власти (в отличие от миссий католиков), объясняет, почему имперская администрация фактически и юридически ограничилась взаимодействием с разрозненными протестантскими общинами, не имевшими между собой субординационных различий. Кроме того, протестанты, занимающие чиновничьи места в Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, а также во многих других правительственных органах и военной администрации, несущие ответственность перед государством, обеспечивали необходимые связи между правительством и объединениями своих единоверцев, облегчая процесс управления ими. В отличие от лютеран и реформатов, несмотря на создание латинской иерархии и консисториальных органов, католики в России XVIII в. были вынуждены делить процесс управления собственными церковными структурами не только с чиновниками православного вероисповедания, но и протестантского.

В целом, законодательные источники и делопроизводственная документация XVIII в. свидетельствуют о двойственном характере внутренней политики российского правительства относительно западно-христианских вероисповеда-

ний. С одной стороны, политика европеизации приводила к значительному росту католических и протестантских общин, требовала создания необходимых условий для исповедания культа иностранцами, что и получило свое выражение в законодательном оформлении для них религиозных свобод. С другой стороны, абсолютизм исключал доминирование католичества и протестантства в духовной и политической жизни россиян. Неслучайно сложившаяся в XVIII в. система управления делами неправославных христианских церквей и общин демонстрирует их подчиненность российскому государственному аппарату. В управлении иноверными церквами государство старалось реализовать общие принципы – недопущение прозелитизма и требование гражданской и политической лояльности от представителей духовенства. Однако по причине того, что правительство и общество в России традиционно проявляли большую подозрительность к католикам, чем к протестантам, в российском законодательстве XVIII в. имелось больше ограничений, налагаемых на пастырскую деятельность латинских монахов, нежели протестантских пасторов. Католическому духовенству запрещалось обращать в свою веру не только православных россиян, но и российских протестантов; долгое время существовал избирательный подход к составу латинского клира (священнические полномочия предоставлялись не всем служителям, а представителям отдельных групп духовенства – монахам того или иного ордена, диоцезному клиру); тщательно контролировались перемещения ксендзов внутри страны. Согласно «Регламенту», данному в 1769 г. Екатериной II Петербургскому костелу, при занятии ксендзами священнических мест в России учитывалось наличие грамот, подтверждающих тот факт, что в конкретном служителе нуждаются российские подданные, вводился образовательный ценз, лимитировались сроки пребывания римских духовных в империи. Правовое положение католических и протестантских объединений в России XVIII в. отличалось рядом параметров: Римская церковь уже в век Екатерины Великой обрела иерархическое устройство, протестантские же общины, даже одной церковной традиции, оставались слабо связанными между собой. Способы церковного управления протестантами были более дифференцированными. Имелись четыре типа протестантских общин с различным правовым статусом: общины «самопроизвольной генерации», возникающие на основе объединения верующих, пожелавших за свой счет строить кирку и приглашать проповедников; общины колониистские, дивизионные (или гарнизонные) и горнозаводские.

Противодействие западно-христианскому прозелитизму, наряду с правовой поддержкой неправославных вероисповеданий, являлось еще одной важной тенденцией в религиозной политике России. Эта тенденция определила такой юридический статус иноверных церковных объединений в империи, который способствовал бы сдерживанию их влияния на русское общество. На законодательном уровне самодержавие существенно ограничило проповедническую деятельность иноверных «пресвитеров». Охранительные мероприятия заключались в запрещении переходов русских подданных в неправославные вероисповедания (указ 29 апреля 1722 г., манифест 22 августа 1783 г. и др. документы), официальных запретах на миссионерскую деятельность патеров и пасторов, публичные богослуже-

ния, учреждение католических монастырей (указ 28 февраля 1724 г., манифест 22 февраля 1735 г., указы 23 марта 1750 г. и 30 марта 1756 г., Регламент Петербургской Римско-католической церкви от 12 февраля 1769 г., документы о создании российской латинской иерархии и др.). Стремление ограничить влияние иноверцев проявилось также в требованиях относительно церковного строительства, в правилах заключения конфессионально смешанных браков, религиозного воспитания детей в таких браках. Вместе с тем законодательство, регламентировавшее межконфессиональные связи, нередко нарушалось не только иноверцами, но и самими российскими монархами, которые, опубликовав массу антипрозелитических указов, так и не сумели создать единого системного законодательства на данную тему. Политические инициативы России в ряде случаев оправдывали европейский религиозный опыт и потенциально расширяли возможности влияния данного опыта на православных. В XVIII в. впервые законодательно были разрешены браки с иноверцами, стало легитимным не только бытовое общение с ними (прикосновение к католическим и протестантским священным предметам, общие трапезы и развлечения, служба у иноверцев или наряду с ними), но и религиозное общение, выразившееся в обоюдном посещении храмов. Распространение иноверного богослужения в России в XVIII в. создавало возможности для влияния западных христианских учений на русское общество, способствовало изменениям во взаимоотношениях иноверцев и россиян, однако правовой режим деятельности институтов Римско-католической церкви и протестантских объединений объективно не позволял иноверному влиянию на подданных империи достичь возможного максимума. Законодательство России стало важнейшим ингибитором данного влияния.

В четвертой главе «Дворянство России XVIII в. и западные направления в христианстве» рассматривается практика иноверного влияния на российское дворянство, анализируются переходы дворян из православия в западно-христианские исповедания, выявляются тенденции в восприятии католицизма и протестантства высшим сословием.

Способы влияния инославных церквей на сознание русского дворянства были различными. Передача религиозных, нравственных и эстетических идей католицизма и протестантства происходила путем образовательной и воспитательной деятельности патеров и пасторов, как в России, так и за рубежом. В первые два десятилетия XVIII в. дворянские дети обучались в московской иезуитской школе патеров Ф. Эмилиана и И. Берулы, лютеранском училище пастора И.Э. Глюка и педагога И.В. Пауса в Москве, капуцинских школах о. Бонавентуры в Астрахани и о. Аполлинария фон Вебера в Петербурге. Во второй половине столетия от одной трети до половины всех учащихся церковно-приходских школ московских и петербургских протестантов составляли русские ученики. Дворянские дети учились в школах при кирках св. Михаила и св. Петра и Павла в Москве, знаменитых петербургских Петришуле и Анненшуле. В конце столетия популярностью у аристократов пользовался пансион французских аббатов Николя и Септаво на Фонтанке. Дети смоленской шляхты часто получали образование в польских иезуитских коллегиях. Иноверцам в России было запрещено преподавать

православным учащимся закон Божий, однако им не возбранялось проведение духовно-нравственных собеседований. Безусловно, русские ученики испытывали на себе влияние религиозной атмосферы иноверных школ.

Большое значение в деле воздействия на россиян западных учений (причем в большей степени католичества, чем протестантства) имела тайная пропаганда. Косвенное влияние идей и нравственных установок западных направлений христианства осуществлялось также путем широких повседневных, деловых и бытовых, контактов русских дворян с католиками и протестантами, представителями церкви и мирянами, без прозелитизма с их стороны. Православные дворяне вместе с католиками и протестантами служили в армии и госаппарате, заключали конфессионально смешанные браки, участвовали в католических и протестантских церковных церемониях. В постоянном общении с иноверцами дворянство становилось открытым для конфессионального воздействия неправославных церквей.

Католицизм в XVIII в. в большей степени, чем протестантские конфессии, становился предметом сознательного религиозного выбора у представителей высшего сословия. В первой половине столетия убежденными католиками стали: А.Ю. Ладыженский, вступивший в орден иезуитов, кн. М.А. Голицын, гр. А.П. Апраксин, кн. И.П. Долгорукова, обратившая в католицизм всех своих домочадцев, видный дипломат А.А. Вешняков. Массами переходили в латинский обряд дворяне Смоленской губернии – Потемкины, Азанчевы, Воронцовы, Бородулины, Друцкие-Соколинские и др. Случаи конвертизма были отмечены в Белорусской и Псковской губерниях. В конце столетия под влиянием французских проповедников-эмигрантов католицизм приняли гр. Е.П. Ростопчина, кн. А.П. Голицына и др. аристократы. Конечно, точно установленные факты обращений в римскую веру относительно немногочисленны, однако их достаточно для того, чтобы вести речь о начале нового этапа в развитии православно-католических отношений в нашей стране. Широкое приобщение дворян к «латинству» затруднялось репрессивными мерами правительства. Самодержавие жестоко преследовало вероотступничество, подвергая прозелитов денежным штрафам, телесным наказаниям и ссылкам, в том числе и в Сибирь. Весьма вероятно, что происходило гораздо больше обращений в католицизм, чем можно документально установить, т.к. неофиты тщательно скрывали факт своего отступничества от православия. Данное предположение подтверждают донесения католических миссионеров папскому престолу.

В отличие от католицизма, переходы русских дворян в протестантство в XVIII в. были не просто редким, а крайне редким явлением. Удалось установить лишь два факта обращений – переход в лютеранство в 1717 г. Д.И. Мировича, учащегося пиетистской школы в Тобольске, и обращение в реформатскую веру посла в Гааге А.Г. Головкина, произошедшее в начале Елизаветинского правления. Важно, что в обоих случаях религиозная мотивация отступления от православия дополнялась политическими соображениями. Исключительность фактов протестантского конвертизма дворян обуславливалась рядом причин. Во-первых, протестанты в России не столь активно предпринимали миссионерские усилия,

как римские служители. Во-вторых, протестантское мировоззрение в эпоху петровских реформ, а также в послепетровское время, не соответствовало уровню модернизации российского общественного сознания, представлялось явлением чуждым, противоречило традиционным религиозным и социальным ценностям. Во второй половине века дистанция между духовно-нравственными запросами российского социума и западноевропейского буржуазного мира сократилась, однако теперь, наряду с запретами на смену веры, обращениям «просвещенных» дворян в лютеранство, кальвинизм или иные протестантские конфессии препятствовали антидогматизм и антиклерикализм их мировоззрения, материалистическая этика Просвещения. В конце XVIII в. разочарование в просветительских взглядах привело к росту интереса к мистическим идеям в западном христианстве, способствовало дальнейшему сближению с протестантством, однако данные процессы лишь готовили почву к будущим обращениям русских дворян в протестантизм. Социальная доктрина и вероучение Римско-католической церкви по-прежнему оказывались ближе феодальному сознанию дворянского сословия, чем протестантские социальные и религиозные установки, что, наряду с другими факторами, обусловило массовые переходы дворян в католичество на рубеже XVIII и XIX столетий.

Протестантское влияние на русское дворянство в XVIII в. носило не столько религиозный характер, сколько культурный. Скорее следует вести речь о влиянии европейских ценностей, в основании которых лежали протестантские социальные и религиозные принципы. В ходе данного влияния представители нобилитета в России, оставаясь православными, постепенно заимствовали у протестантов некоторые духовные ценности (такие, как индивидуализм религиозной жизни, рационализм), этические и бытовые нормы, а в ряде случаев – и взгляды на христианский культ, представления о христианских добродетелях (скепсис в отношении чудес, индифферентизм к таинствам и иконам). Сближение с протестантским Западом стало важнейшим фактором секуляризации русского общества и его культуры, а секуляризация, в свою очередь, диалектически способствовала установлению более тесных отношений с протестантскими общинами и учениями. Влияние протестантской культуры возросло во второй половине XVIII в., когда духовные искания части российского дворянства стали особенно близки некоторым протестантским идеям: рационалистическим – по причине секуляризации сознания, мистическим – благодаря преодолению ограниченности просветительских воззрений. Установить характер православно-протестантского сближения помогает анализ сочинений таких крупнейших деятелей науки и культуры, как В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, А.Н. Радищев, проявлявших повышенный интерес к культурному наследию протестантов. В конце столетия усилилось стремление русских дворян обрести религиозную истину в «духовном христианстве» и масонстве, наблюдалось сближение отдельных представителей высшего света с пиетистами и гернгутерами (например, И.В. Лопухина, П.А. Щербинина, И.И. Мелиссино, А.Н. Голицына).

В целом, отношение российского дворянства к западным направлениям в христианстве не было однозначным и подразумевало под собой часто диамет-

рально противоположные оценки деятельности католической и протестантских церквей, различные взгляды на характер западных вероучений. Однако применительно к XVIII в. следует вести речь об усилении общего культурного и религиозного интереса представителей высшего сословия в России к католицизму и протестантству, причем появление данного интереса было связано как с деятельностью иноверного духовенства, так и с внутренней политикой Российского государства. Уважение к Римской церкви и протестантским конфессиям проявляли многие государственные, военные и культурные деятели России – фельдмаршал Б.П. Шереметев, астраханские губернаторы И.А. Мусин-Пушкин и А.П. Волынский, канцлер Г.И. Головкин, член Верховного тайного совета Д.М. Голицын, дипломаты В.Л. Долгоруков, А.Б. Куракин, А.Д. Кантемир и многие др. Заступниками за интересы протестантов и католиков неоднократно выступали вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, Белорусский генерал-губернатор З.Г. Чернышев, Г.А. Потемкин и др. вельможи. Западно-христианское влияние было относительным и лишь частично затронуло религиозную сферу жизни дворянства, однако нашло свое отражение в образовании, проявилось во взглядах высшего сословия на духовные достижения европейской цивилизации, предопределило стремление к более интенсивному религиозному и бытовому общению и укреплению межцерковных связей.

В пятой главе **«Западно-христианские конфессии в сознании, социальной и религиозной практике непривилегированных сословий в России XVIII в.»** исследуются вопросы отношения к западным церквям и их учениям (католицизму и протестантству) крестьян и податных городских слоев; изучаются взгляды на иноверие не только прихожан официальной православной церкви, но и старообрядцев; устанавливаются связи с западными христианами русских сектантов и «инородцев».

Традиционализм, граничивший с неприятием европейских культурных новшеств, был свойственен сознанию большей части русского сельского населения в XVIII в., что не могло не отражаться на характере его отношения к западным конфессиям. В массовом народе сознании европейские религиозные учения продолжали восприниматься как еретические и «богомерзкие». Анализ этнолингвистических и фольклорных источников позволяет утверждать, что традиционно русское крестьянство смешивало католицизм и протестантство в одну «нечестивую» «латинскую» веру. Отрицательное отношение к западным конфессиям, отсутствие выраженной апроприации католических и протестантских культурных норм в религиозной жизни православного большинства оставались основными характеристиками религиозно-культурного опыта России XVIII в., особенностями межконфессионального общения. Однако вместе с тем в исследуемый период возникает тенденция к дифференцированному восприятию неправославных конфессий в городской (особенно столичной) среде. В городах с высокой концентрацией неправославного населения (таких, как Петербург, Москва, Астрахань, Архангельск, Екатеринбург) складываются различные формы взаимодействия и сотрудничества русских с иноверцами, происходит признание западных направлений христианства в качестве неизбежных атрибутов современной российской

жизни. В первую очередь, укрепляется лояльное отношение православных к протестантизму – отношение, становившееся прямым следствием политики правительства, нацеленной на широкое применение административного, военного и культурного опыта протестантских стран. В Екатеринбурге, например, где большое число лютеран было сосредоточено в аппарате заводского управления, а детей горных рабочих и разночинцев в местных школах (латинской и немецкой) обучали пасторы, отмечено практически бесконфликтное межкультурное взаимодействие русских и протестантов. В других городах отдельные представители русского купечества прямо или косвенно способствовали иноверному церковному строительству (выступали подрядчиками, кредиторами), жители «черных слобод» нанимались работниками в церковное хозяйство и службы «лютеров». Протестантство, как группа учений, антагонистичных католицизму и папству, в данном случае воспринималось православным населением менее враждебно, хотя в вероисповедном плане было более далеким от греческой церкви. При этом толерантность практического отношения к протестантству вовсе не означала признание его конфессионального равноправия с православием: в вопросах веры и католики, и протестанты признавались отступниками и еретиками. Этим, в частности, обуславливались слабость догматического влияния протестантских вероисповеданий на россиян и практически полное отсутствие обращений в лютеранство или кальвинизм (как и в католицизм). Тем не менее, ощущение чужеродности и неприятие догматических форм протестантизма не исключали опосредованного влияния протестантских религиозных принципов и ценностей, а также социальных воззрений на русских крестьян и мещан. Несмотря на твердое убеждение большинства россиян в еретическом характере западных религиозных учений, интерес отдельной части податных сословий к реформационным идеям стал одной из важнейших черт русской духовной жизни XVIII столетия. Широкое присутствие протестантства в России и лояльное отношение правительства и общества к носителям протестантских традиций становились одним из факторов русского религиозного вольнодумства.

Ощутимое воздействие идей Реформации, благодаря общению с лютеранами и кальвинистами московской Немецкой слободы, претерпел в своем мировоззрении Дмитрий Евдокимович Тверитинов (Дерюшкин), ставший в начале XVIII в. основателем крупного иконоборческого рационалистического движения. Близкие к тверитиновским идеи исповедовали последователи евангельской секты, обнаруженной в 1722 г. на Урале и в Западной Сибири. Схожие черты с европейскими протестантскими течениями (квакерством, анабаптизмом, гернгутерством, социнианством) имели также воззрения представителей «духовного христианства» в России – хлыстов (официально названных в XVIII в. «русскими квакерами»), духоборов, молокан и скопцов. Тем не менее, в прямом смысле лютеранских или кальвинистских догматов Д. Тверитинов и его единомышленники не разделяли; точно так же, как и русские духовно-христианские секты не выражали напрямую ни одно протестантское направление. Среди адептов «еретических» учений в XVIII в. преобладали втянутые в товарно-денежные отношения крестьяне, торговцы и ремесленники из посадов. Ускоренная модернизация России под-

разумевала использование экономического и социального опыта капиталистических стран, и возможно, развитие русского «реформационного вольномыслия» в большей степени было связано с социально-экономическими процессами, нежели с прямым протестантским религиозным воздействием. В любом случае, интерес россиян к протестантизму не являлся догматическим – русское крестьянство и посадские жители в определенной (причем сравнительно небольшой) своей части увлекались не лютеранством, кальвинизмом, квакерством, социнианством или каким-либо другим протестантским направлением во всей его догматической и культовой полноте, но обнаруживали заинтересованность в протестных формах отношений с официальной церковью, отдавали дань критицизму как методу познания. Сам диффузный характер европейского протестантизма затрудняет анализ вероисповедных взаимосвязей русских сект с протестантскими направлениями. Однако можно прийти к заключению, что русские «ереси» и секты XVIII столетия, оставаясь продуктом национального религиозного творчества и духовного опыта, опосредованно зависели от ряда европейских протестантских учений. Их зависимость определялась не столько миссионерской деятельностью протестантов (хотя полностью отрицать факт протестантской проповеди также нельзя), сколько социально-экономическими и бытовыми контактами с представителями иных конфессий. Тесное общение с иноверцами способствовало влиянию протестантской духовной атмосферы на вовлеченных в модернизационные процессы россиян – атмосферы, соответствовавшей духу перемен в самой России. Влияние не коснулось большинства православного населения, убежденного в догматической правоте восточного христианства, однако послужило основой для возникновения девиантных форм русской религиозности.

Следует подчеркнуть, что изменения в восприятии западноевропейских конфессий, происходившие в России в XVIII в., являлись относительными. Негативизм к неправославным церквям и их учениям сохранялся не только среди крестьянских масс, но и проявлялся в среде образованных посадских жителей крупных городов. В ряде случаев расширение контактов с иноверцами могло приводить не к ослаблению, а к усилению антагонизма против них. На теоретическом уровне общественного сознания обострение православно-иноверных отношений ярко выразил И.Т. Посошков. Сочинения Посошкова демонстрируют протест против чуждых православию духовных ценностей, неизбежно выступающих идеологической основой модернизации. Публицист с негодованием отверг саму мысль о возможном расширении религиозного общения с европейцами и подверг уничижительной критике духовно-нравственный облик лютеран, кальвинистов и католиков. Таким образом, правомерно вести речь о двойственном восприятии западных вероисповеданий в России XVIII в.: осознание необходимости сотрудничества с европейцами, возникавшее у некоторой части податного населения, сочеталось с обостренным чувством конфессиональной несовместимости. Отчетливо эта двойственность проявилась во взглядах на западноевропейские конфессии старообрядцев.

В отношении к западно-христианским исповеданиям старообрядцы XVIII столетия сохраняли одиозность и полемический настрой допетровских времен,

причем их антипатии к различным формам иноверия существенно обострились в петровскую эпоху. Восприятие староверами европейских религиозных учений являлось более или менее однородным, несмотря на полиморфизм старообрядчества. В ходе церковной полемики «ревнители древлего благочестия» часто отождествляли все европейские конфессии с «басурманской» или «латинской верой», наделяя чертами «латинства» даже протестантизм и никонианство. С богословской точки зрения Западная Европа воспринималась старообрядцами как средоточие всевозможных ересей, но отношение к этим «ересям» чаще всего выражалось опосредованно, в ходе критики никонианских новшеств. Последние ассоциировались староверами с католицизмом и унией, а сами никониане, именуемые «обливанцами», наряду с католиками и униатами считались злостными еретиками. Старообрядцы также переносили представления о религиозных сектах (западных или русских) на никониан. Официальная церковь и государственная власть в России выступали главными оппонентами староверия и в первую очередь являлись предметом нападок староверческих писателей, поэтому полемика собственно с христианскими церквями Запада оказывалась для них не столь актуальной: достаточным являлось признание факта отступления от правоверия католиков и протестантов. Тем большую ценность для нас имеют специальные полемические сочинения против иноверцев и непосредственные высказывания идеологов старообрядчества о западных конфессиях. Так, в «Винограднике» и «Послании выговцев Ф. Прокоповичу» С. Денисова, «Вопросоответном разглагольстве верою латынянина брегадира Безра» Г.С. Украинцева и др. сочинениях содержатся инвективы в адрес католиков; в сборнике С.Ф. Моховикова как богопротивная заклеямена «лютерская прелесть». Тем не менее, в практике социального взаимодействия и бытовом поведении старообрядцы XVIII в. оказывались менее враждебно настроенными и ригористичными к иноверцам (но не к их учениям), чем деятели раннего раскола. Конструктивные взаимоотношения с иностранцами в России демонстрируют практическую способность сторонников «старой веры» к проявлению конфессиональной толерантности (при сохранении антагонизма к католичеству и протестантству на теоретическом уровне сознания). Расширение бытового и делового общения с иноверцами стало для старообрядцев, как и для других членов русского общества, неизбежным следствием модернизации и европеизации России. Известны конструктивные отношения выговцев с комендантом Петровских заводов де Генниным, главою Повенецких заводов Геймангом. Старообрядцы XVIII в. не были замкнутыми и в культурном отношении, они не остались в стороне от взаимовлияний двух культур – европейской и традиционной русской, вобрав в себя некоторые богословские, литературные и эстетические принципы эпохи Нового времени, в частности стиля барокко.

Догматическое влияние католицизма или конкретных протестантских вероисповеданий в их обрядово-догматической законченности на непривилегированные слои русского общества в XVIII в. практически не отмечалось. Выраженная рецепция европейских религиозных учений нерусскими и неправославными народами России (мусульманами, язычниками), несмотря на отсутствие закреплённой в их традициях вражды к западному христианству, также не производилась.

Некоторые успехи имел лишь католический прозелитизм, да и то среди христиан (армян и грузин), более склонных к католической аккультурации, нежели русские православные. В большей степени воздействие католицизма испытывали белорусские, русские, украинские крестьяне и горожане православного и униатского вероисповеданий, проживавшие на присоединенных к России землях Речи Посполитой. Результатом многовековой деятельности Римской церкви в Восточной Польше стало не просто формальное обращение части православного и униатского населения в католицизм, но и закрепление латинского влияния в традициях его духовной культуры.

Шестая глава «Взаимосвязи православного духовенства России XVIII в. с западными церквами и конфессиями» посвящена анализу специфических отношений служителей РПЦ с патерами и пасторами, изучению обстоятельств их сотрудничества в церковной жизни, процессов влияния католической и протестантской мысли на мировоззрение архиереев и крупнейших православных богословов.

В исследуемый период во взаимоотношениях духовенства православной и католической церквей в России, за немногими исключениями, сохранялись антагонизм и подозрительность. Отношение к католицизму большей части служителей РПЦ было резко отрицательным, особенно со стороны приходского духовенства и рядового монашества. Терпимость к римской вере проявляли, главным образом, архиереи украинского происхождения. В начале XVIII в. киевская коллегия (затем – академия) испытывала сильное воздействие католицизма на содержание своих образовательных программ, а лучшие ее ученики нередко дополнительно обучались в западноевропейских учебных заведениях, становясь для этого временно униатами или католиками. Однако даже «украинизация» российского церковного управления и образования, несмотря на распространенную среди выпускников Киево-Могилянской академии лояльность к богословию и догматическому учению римлян, не смогла существенным образом изменить традиционно враждебный взгляд русской иерархии и иерейского корпуса на Римскую церковь и латинскую веру. Вместе с тем идеологическая и конфессиональная рознь с католиками не всегда сопровождалась нетерпимостью к ним в быту и в ходе деловых встреч. История православно-католических отношений в XVIII столетии отражает противоречия российской модернизации: с одной стороны, модернизационные процессы способствовали реализации конфликтологических функций православной религии; с другой стороны, изучаемый период стал временем укрепления конфессиональной толерантности среди образованных священнослужителей РПЦ, эпохой, когда закладывался фундамент добрососедства обеих церквей. И то и другое стало возможным благодаря политическому курсу Российского государства, направленному на сотрудничество с иноверцами, укреплению церковных структур римских католиков в России, а также широкому использованию административного и педагогического опыта украинского духовенства, иезуитов. Перемены в политической и культурной жизни страны привели к изменениям взглядов на римскую богословскую и вероисповедную традицию некоторых крупных деятелей РПЦ, испытавших воздействие политической доктрины Римской церкви на

свое мировоззрение. Предприимчивые католические священники в России первой половины XVIII в. стремились использовать ситуацию реформирования русского церковного устройства, пытаясь найти в православной среде лиц, способных идти на тесный контакт. Отдельные православные иерархи, особенно выходцы из Малороссии, придерживались консервативных взглядов на характер церковного управления, осуждали секуляризацию и видели «спасение» РПЦ в реализации католической модели взаимоотношений светской и духовной властей. Благодаря этому в конце 1720-х гг. при активном участии доминиканца Б. Рибейры и янсенистского священника аббата Ж. Жюбе, а также при поддержке католического семейства И.П. Долгоруковой, в рамках РПЦ действовал целый «католический кружок». Его членами являлись тверской преосвященный Феофилакт (Лопатинский), Сильвестр Рязанский, будущий киевский митрополит Варлаам (Вонатович), Чудовский архимандрит Феофил (Кролик) и др. Архиереи участвовали в совместных собраниях с ксендзами, вели беседы о соединении церквей. Тем не менее, источники свидетельствуют о том, что участники кружка испытывали в большей степени влияние политической доктрины католицизма, а не католического вероучения. В прениях с католиками они отстаивали истинность православия, но при этом не сторонились политических, богословских и культурных контактов с иноверцами.

В отношении русского духовенства к протестантским конфессиям в XVIII в. произошли более существенные изменения. В теории и практике взаимодействия РПЦ с иноверцами протестантизм стал выделяться в самостоятельную конфессию. Смешение протестантизма и католицизма в одну «ересь» в России перестало быть актуальным, поскольку каждое из этих направлений в христианстве предоставляло свои собственные средства к борьбе, обозначившейся между сторонниками реформ в РПЦ и их оппонентами. В итоге восприятие русскими пастырями западного христианства буквально осуществлялось через призму церковных нововведений в России. В начале столетия развернулась широкая антипротестантская полемика, ставшая ответом церковных консерваторов на социальные и культурные потрясения, а также на появление русских сект. Против отечественных сектантов (и отождествляемых с ними протестантов) писали Стефан Яворский, свт. Димитрий Ростовский, монах Пафнутий (П.А. Олисов). Однако полемические труды указанных авторов так и не сумели спровоцировать глубокое церковно-религиозное противостояние между православными и протестантами, а сама антипротестантская полемика с победой реформы в РПЦ утратила прежнюю актуальность. Постепенно среди церковных администраторов почти повсеместно было признано полезным культурное взаимодействие православных «батюшек» с протестантским клиром. В свою очередь, расширение политических и культурных взаимосвязей благоприятствовало заинтересованности определенной части духовенства в углублении не только культурного, но и церковного сотрудничества с протестантами. Эта часть православного клира была представлена близко стоявшим ко двору архиерейством, участвовавшим в реформе РПЦ. Ее позиция не выражала мнения большинства православного духовенства, однако свидетельствовала о том, что РПЦ стремительно расставалась с принципами религиозного изо-

ляционизма, свойственными эпохе Древней Руси. В XVIII в. благодаря Феофану Прокоповичу и Симону Тодорскому Русская церковь впервые установила тесные связи в богословской и образовательной сферах с немецкими протестантами; при посредничестве Петра Великого предполагалось подписание православно-англиканского конкордата; с помощью священников А. Самборского и Я. Смирнова и в дальнейшем поддерживались двусторонние отношения с англиканской церковью. Использование протестантского педагогического опыта при подготовке будущих православных пастырей осуществлялось не только в столицах, но и в провинции. Например, в Екатеринбурге в течение длительного времени обучение детей духовенства осуществлялось под общим руководством лютеранского пастора Лаврентия Зехтинга, что не вызывало возражений со стороны администрации или со стороны православного клира. В целом, в XVIII в. союзнические отношения служителей РПЦ с протестантскими церквями и общинами были более развиты, чем партнерство с Римско-католической церковью. В результате тесного контакта РПЦ с протестантской средой стало возможным влияние протестантских ценностей, а также отдельных религиозных представлений на сознание Ф. Прокоповича, игумена Стефана Прибыловича, преосвященного Лаврентия Горки, архимандрита Владимира Каллиграфа, свящ. Андрея Самборского и др. представителей русского духовенства.

Относительное конфессиональное влияние Запада на общественное сознание в России XVIII в. проявилось как на уровне обыденного, повседневного отношения различных социальных групп к западным вероисповеданиям, Римской и протестантским церквям, так и на теоретическом уровне – в религиозной философии, богословской науке и церковных социально-политических доктринах. В исследуемый период религиозно-политическое противостояние протестантов и католиков в Европе приобрело исключительную актуальность для России, вступившей на путь европеизации. Религиозная борьба Запада нашла свое отражение в трудах русских богословов, которые, в соответствии со своими взглядами на реформы в церкви и государстве, либо симпатизировали духовному и политическому опыту католицизма (консервативно настроенные церковные деятели, противники модернизации), либо попадали под религиозно-нравственное влияние протестантизма (церковные реформаторы, идеологи абсолютизма). Само присутствие иноверцев в России обостряло церковную полемику с ними, однако средства к полемике заимствовались у них же: у католиков – против протестантов, у протестантов – против католиков. В целом, широкое применение европейского опыта в политике и культурном строительстве делало актуальным приобщение к плодам западной учености не только мирян, но и русского духовенства, в первую очередь архиерейского корпуса.

Католическое влияние в XVIII в. затронуло сравнительно небольшую часть духовенства РПЦ и проявилось, главным образом, в форме распространения среди консервативно настроенного архиерейства политических взглядов, сходных с доктриной Римской церкви о первенстве духовной власти, а также в форме использования методов и доказательств римско-католической богословской науки. В XVIII в. (особенно в первой его половине) становится ощутимым влияние като-

лической схоластики и томистических представлений на систему русского духовного образования, главным образом, благодаря академическим традициям украинского духовенства. Проводниками данного влияния в педагогической сфере выступили Иоасаф Кроковский, Палладий Роговский, Феофилакт Лопатинский, Геден Вишневский. Связи с католической культурой устанавливались благодаря переводам и компиляциям Антонина Стаховского, свт. Иоанна (Максимовича) и др. деятелей церкви. Некоторые православные архиереи испытали сильное воздействие католического контroversного богословия на свое мировоззрение и теологические построения. Примером служат концепции критики протестантизма Стефана Яворского и Арсения Мацеевича, анализ сочинений которых, однако, показал, что взгляды иерархов представляли собой опыт внедрения западного рационализма в русское богословие, а не опыт замены православного толкования догматов на католическое.

Протестантское влияние на духовенство РПЦ, проявившееся уже в петровскую эпоху, в большей степени, чем влияние «латинян», соответствовало целям социальных и политических преобразований в России. Это обстоятельство способствовало тому, что, начиная с Феофана Прокоповича, послушные абсолютизму русские иерархи стали придавать большее значение протестантской образованности, нежели католической. Церковное сотрудничество с протестантами, более развитое, чем социальное или иное партнерство с католиками, в свою очередь, содействовало распространению протестантской мысли в русской литературе – в переводах, компиляциях и оригинальных сочинениях (переводах Гавриила Бужинского и Симона Тодорского, книгах Ф. Прокоповича, свт. Тихона Задонского и др.) Исторически укорененная в русской церкви вражда к католицизму и папству, соединенная с толерантным восприятием протестантизма, в целом придавала развитию православно-протестантских богословских связей более перспективный характер.

Заимствуя ряд католических и протестантских идей, русские богословы, тем не менее, продолжали трактовать латинские и протестантские догматы как еретические. Европейское богословие стимулировало развитие православной мысли и духовной литературы, однако активное обращение к протестантской или католической «мудрости» не привело к попыткам догматически сблизить православие с западными церквями. Вероучение последних, а также их обрядовые традиции практически не коснулись вероисповедания большей части русских православных священнослужителей. Лишь униатское духовенство разделенных польских территорий, массами переходившее в католичество, испытывало на себе интенсивное воздействие католической церкви в догматах и обрядах.

В заключении подводятся основные итоги исследования и обобщаются главные выводы.

Исследование показало, что XVIII столетие стало временем активного распространения западно-христианских конфессий в России, эпохой их укрепления в пределах империи. В течение века происходил интенсивный рост католических и протестантских (особенно лютеранских) приходов, наблюдалось постоянное увеличение числа костелов и кирок, духовенства и прихожан. Размеры деятельности

Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей в Российской империи к концу исследуемого периода стали сопоставимыми с работой официальной православной церкви. Тем не менее, следует отметить факт значительного численного преобладания протестантов (а именно лютеран) над католиками в собственно русских губерниях, а также на территориях, подвергнутых внутренней колонизации. С опорой на архивные источники удалось выяснить, что ядро иноверного населения на данных территориях составляли иностранные военные и гражданские специалисты, ремесленники, а также купечество; причем среди протестантов доля предпринимателей была несколько большей, чем среди католиков. Социальный статус не только среднестатистического столичного прихожанина, но и членов большинства провинциальных иноверных общин был весьма высоким. В целом финансовый потенциал и социальные возможности западно-христианских объединений XVIII в. оцениваются как достаточные для их собственного развития и интенсивного воздействия на общественно-политическую и культурную жизнь России.

Процессы формирования церковных организаций разной конфессиональной направленности в России XVIII в. имели свои особенности. В отличие от протестантских объединений, институты Римской церкви в стране создавались практически с «чистого листа». Лютеранские и реформатские общины к началу XVIII в. имели более чем вековой опыт жизнедеятельности в конфессионально чуждом православном окружении, обладали некоторой материальной базой и собственными традициями; новообразованные общины нередко пользовались поддержкой со стороны старинных приходов – центров протестантской культуры в России. Католики, напротив, были вынуждены создавать церковную инфраструктуру заново, ориентируясь на опыт функционирования латинских приходов в не католических странах Европы и Ближнего Востока, без учета российской специфики. Данное обстоятельство замедляло темпы развития конфессиональной деятельности католиков, по сравнению с лютеранами и вообще протестантами. Кроме того, государство, в аппарате которого среди служащих иноверцев также преобладали протестанты, нередко само выступало инициатором создания лютеранских приходов (гарнизонных и горнозаводских), формируя плотную сеть протестантских учреждений в стране. Организованных подобным образом католических приходов в России не было, и контакты русского общества (причем самых разных его слоев) с католиками и католическим духовенством оказывались не столь тесными, как с лютеранами.

Анализ российского законодательства XVIII в. позволяет выявить две отчетливые тенденции во внутриполитической практике правительства относительно западных христианских конфессий и церквей. Российские власти проводили протекционистскую политику по отношению к католикам и протестантам, обеспечивая все необходимые условия для исповедания религии иностранцами, а также населением бывших шведских владений и разделенных польских территорий. Однако, наряду с этим, правительство широко практиковало меры, направленные против распространения католичества и протестантства как среди православного, так и среди языческого и мусульманского населения России. Особенно тщательно

государство следило за деятельностью латинских приходов, на практике часто являвшихся миссионерскими пунктами. В России XVIII в. римское духовенство в большей степени чем протестантское оказывалось стесненным в своей пастырской работе. Усиление государственного вмешательства в дела иноверцев обусловило особый юридический статус объединений неправославных христиан в России. Он характеризовался прямой зависимостью церковных организаций от распоряжений российских властей, постепенно ужесточавших административный контроль за ними.

Меры правительства по охране православной религии значительно снижали степень потенциального воздействия католичества и протестантства на общество в России. Несмотря на это, вследствие расширения контактов россиян с представителями западноевропейских религиозных традиций, патерами и пасторами, в XVIII в. произошел ряд изменений в их взаимоотношениях. В XVIII в. впервые установились прочные, системные связи русского общества с католицизмом и протестантством. Влияние вероучения, идеологии и ценностей католиков и протестантов на русское общество в рассматриваемый период стало реальным фактом российской религиозной, политической и культурной жизни. Наибольшие изменения в системе традиционных взглядов на католичество и протестантство в XVIII в. произошли в дворянской среде, представители которой благожелательно и уважительно относились к католичеству и протестантским конфессиям, заимствовали у иноверцев отдельные религиозные ценности, а иногда становились молитвенниками иных вер. Некоторые сдвиги в межконфессиональных отношениях наблюдались и в быту других сословий – росла веротерпимость в практике социальных и бытовых контактов с иноверцами, у отдельных категорий сельских и городских жителей, группировавшихся в секты, даже возникало и крепло чувство духовной близости к европейским реформационным учениям, – однако подавляющая масса православных россиян продолжала проявлять крайний негативизм в оценке религиозного опыта западных стран. Более открытыми к европейским конфессиям оставались представители нерусских, неправославных народов, однако государственная власть отдавала приоритет в деле христианизации «инородцев» РПЦ, обеспечивая ее доминирующее положение в религиозной жизни России.

Католицизм и протестантство располагали примерно равными возможностями влияния на общество в России: протестанты были шире представлены в русских губерниях, чем католики, и теснее соприкасались с населением, однако духовенство латинских общин имело специальную миссионерскую подготовку и в большей степени стремилось к пропагандистской работе. Кроме того, в XVIII в. католицизм как религиозное течение оказывался более близким феодальной психологии русского общества, чем протестантские учения и богослужебные практики, распространение которых в начале столетия вызвало волну острой критики во всех слоях российского социума. Римский католицизм в большей степени, чем протестантские деноминации, отвечал духовным потребностям капиталистически «незрелого», но ориентированного на западные достижения русского высшего общества. По той же причине протестантские догматы и ценности в XVIII в. не

могли стать близкими широким слоям русского крестьянства и посадских людей, хотя отсутствие установок на приобщение к западной цивилизации, соединенное с традиционной враждой к «латинянам», блокировало механизмы религиозного воздействия на народные массы не только протестантства, но и католичества. Тем не менее, реализация модернизационных инициатив способствовала стремительному повышению роли протестантского культурного опыта в развитии России. Католицизм оказал некоторое влияние на русскую духовную жизнь, причем оно проявилось в догматической сфере, содействуя волнам обращений дворянства и богословским исканиям небольшой части духовенства. Влияние протестантской культуры в XVIII в. было более широким, так или иначе коснулось самых разных слоев общества, но по своему характеру являлось недогматическим, опосредованным, диффузным, не столь очевидным, как католическое: влияли не догматы и обряды, а сам образ жизни, стиль мышления протестантов, выражавший определенные религиозные ценности. Границы протестантского влияния на отечественную культуру определить трудно, но дворянский быт, коммуникативная сфера, политическая и светская жизнь в условиях европеизации развивались под знаком господства социокультурных принципов, выработанных в протестантских странах. Даже в атмосфере русской церковной жизни XVIII в. влияние протестантского Запада чувствовалось сильнее, чем влияние католицизма. В протестантские вероисповедания православные подданные России практически не переходили, однако часть общества (преимущественно дворянство, но также православные по убеждению представители духовенства, горожане) незаметно для себя приобщалась к духовному опыту протестантской Европы. Собственно религиозное, сугубо догматическое влияние протестантов оставалось незначительным. В XVIII в. образцы европейской культуры, на которые ориентировалась «верхушка» общества, часто лишались органической и генетической связи с протестантством и приспосабливались к православной религиозности, а реформы в РПЦ, в свою очередь, выступали способами ее адаптации к условиям нового «европеизированного» социума.

Таким образом, в России XVIII столетия происходила трансформация национальной парадигмы межконфессионального общения, хотя история взаимоотношений русского общества с западно-христианскими церквями отражает сложности и противоречия отечественной модернизации: с одной стороны, сближение с Западом провоцировало религиозную конфронтацию с иноверцами; с другой же стороны, апология европейских религиозных ценностей, ставшая частью государственной идеологии, неизбежно вела к укреплению веротерпимости, способствовала конфессиональному влиянию западных христиан. Даже в условиях строгих мер по ограничению данного влияния, воздействие католичества и протестантства на русское общество было представлено в самых разнообразных формах – от влияния в сфере образования до воздействия на религиозную философию и богословие, готовивших почву для будущих религиозных исканий русских мыслителей. Диссертационное исследование позволило выявить значительный пласт отечественной духовной культуры XVIII столетия, сформировавшийся благодаря конфессиональному взаимодействию православных россиян с западно-

христианскими церквями и общинами, обусловленный сближением с их учениями и ценностями.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. *Андреев А.Н.* Русский иезуит А.Ю. Ладыженский: неисследованная страница в истории русского католицизма XVIII столетия // Отечественная история. – 2008. – № 3. – С. 143–154 (1,29 п.л.).
2. *Андреев А.Н.* Обращение в католицизм семейства И.П. Долгоруковой // Вопросы истории. – 2009. – № 3. – С. 100–113 (1,34 п.л.).
3. *Андреев А.Н.* Англикано-православные отношения в XVIII веке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 38. – Вып. 37 (История). – С. 84–91 (0,81 п.л.).
4. *Андреев А.Н.* Конфессиональное влияние французской эмиграции на русское дворянство в конце XVIII – начале XIX в. (по мемуарам В.Н. Головиной) // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 81–91 (1,07 п.л.).
5. *Андреев А.Н.* Евангелическо-лютеранская община Екатеринбурга в XVIII в. и ее взаимоотношения с местным населением // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. – Екатеринбург: УрГУ, 2010. – № 1 (72). – С. 135–148 (1,0 п.л.).
6. *Андреев А.Н.* Западноевропейские вероисповедания и русские старообрядцы в XVIII в. // Вопросы истории. – 2010. – № 5. – С. 98–109 (1,22 п.л.).
7. *Андреев А.Н.* Квакеры на Западе и в России. XVIII век // Новая и новейшая история. – 2010. – № 4. – С. 165–177 (1,23 п.л.).
8. *Андреев А.Н.* Российские «иногородцы» в XVIII веке и западно-христианское влияние // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2010. – Вып. 15. – № 28. – С. 6–11 (0,7 п.л.).
9. *Andreev A.N.* Catholic Communities in Russia at the Age of Peter the Great // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2009. – Vol. 2. – № 3. – P. 435–442 (0,61 п.л.).
10. *Andreev A.N.* Berg-College and Office of the Main Board of Works as the Government Bodies of Control over the Lutheran Communities in the Ural Mining-Zone in the 18-th century // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2010. – Vol. 3. – № 3. – P. 422–428 (0,5 п.л.).

Монографии:

11. *Андреев А.Н.* Католицизм и общество в России XVIII в. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 393 с. (26,07 п.л.).

Другие публикации:

12. *Андреев А.Н.* Католичество и русское общество в XVIII в. // Историческое пространство России: инерция и трансформация. Мат. всерос. науч. конф. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – С. 50–52 (0,2 п.л.).

13. *Андреев А.Н.* Влияние католичества на дворянское образование в России в XVIII в. // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. ст. / науч. ред. С.С. Загребин. – Вып. 1. – Ч. 2. Актуальные проблемы краеведения. – Челябинск, 2003. – С. 182–191 (0,68 п.л.).
14. *Андреев А.Н.* Историография проблем взаимоотношения русского общества и католичества в XVIII в. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. / науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – Вып. 2. – С. 112–121 (0,6 п.л.).
15. *Андреев А.Н.* Источники для изучения влияния католичества на русское общество XVIII в. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. / науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – Вып. 2. – С. 122–126 (0,3 п.л.).
16. *Андреев А.Н.* К вопросу о католичестве на Урале в XVIII в. // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. ст. / науч. ред. С.С. Загребин. – Вып. 2. Южный Урал в судьбе России. – Челябинск, 2004. – С. 413–418 (0,4 п.л.).
17. *Андреев А.Н.* Русская религиозно-философская мысль XVIII в. и католичество // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сб. мат. Первой Юж.-Ур. межвуз. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 24–30 (0,42 п.л.).
18. *Андреев А.Н.* Отношение недворянских слоев населения к католичеству в России XVIII в. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. / науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – Вып. 3. – С. 3–20 (1,08 п.л.).
19. *Андреев А.Н.* Влияние католицизма на духовную культуру дворян Смоленской губернии в XVIII в. // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Сб. мат. Второй Юж.-Ур. межвуз. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – С. 121–132 (0,72 п.л.).
20. *Андреев А.Н.* Римские католики в России в первой половине XVIII в. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. / науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Вып. 4. – С. 54–65 (0,72 п.л.).
21. *Андреев А.Н.* Дело «О княгине Ирине Петровне Долгоруковой, совращенной с детьми в католичество» (1746–1751) // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. / науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Вып. 4. – С. 207–233 (1,62 п.л.).
22. *Андреев А.Н.* Историософская концепция П.Я. Чаадаева и проблема его конфессиональных предпочтений // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. / науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – Вып. 5. – С. 23–37 (0,92 п.л.).
23. *Андреев А.Н.* Дело «О переходах в католичество и незаконных браках смоленской шляхты» (1728–1729) // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – Вып. 5. – С. 260–266 (0,35 п.л.).
24. *Андреев А.Н.* Защита православной паствы от влияния западно-христианских конфессий в законодательной практике правительства России в XVIII в. // Духовно-нравственное, патриотическое образование и воспитание в традиции православия: исторический опыт, актуальность возрождения в культуре современной России: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск: ЧГАКИ, 2008. – Ч. 1. – С. 92–99 (0,47 п.л.).

25. *Андреев А.Н.* Обращения русских дворян в католицизм в XVIII столетии // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. ст. – Вып. 5. Историко-культурное наследие российских регионов. – Ч. 1. – Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2008. – С. 470–474 (0,46 п.л.).
26. *Андреев А.Н.* Переходы русских дворян в католицизм в XVIII веке: некоторые методологические аспекты изучения // Наука ЮУрГУ: мат. 60-й юбилейной науч. конф. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – Т. 1. – С. 53–56 (0,2 п.л.).
27. *Андреев А.Н.* Образовательная деятельность протестантов в школах Екатеринбурга XVIII в. // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Сб. мат. Пятой Юж.-Ур. межвуз. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 102–119 (1,00 п.л.).
28. *Андреев А.Н., Андреева Ю.С.* Дело об обнаружении в нарвском Спасопреображенском соборе «иконы» Мартина Лютера: к вопросу о православно-протестантских взаимосвязях на Северо-западе России в XVIII в. // Духовно-нравственная культура России: православное наследие: мат. всерос. науч.-практ. конф. – Челябинск: ЧГАКИ, 2009. – Вып. 1. – С. 142–153 (0,67/0,32 п.л.).